

## ГЛАВА IX

### ПОСЛЕДНИЙ ГОД НА РОДИНЕ

14 марта 1917 г. (по н. ст.) обитатели санатория «Виттория» в Сан-Ремо узнали из газет о свержении самодержавия. Дело, за которое боролись несколько поколений русских революционеров и которому отдал сорок лет своей жизни Плеханов, восторжествовало. В Петрограде произошло восстание рабочих и солдат. После нескольких столетий, на протяжении которых в России царил деспотизм, она стала вдруг едва ли не самой свободной страной мира. Для Плеханова и его близких это был настоящий праздник.

А затем с родины пошел такой густой поток самой противоречивой и путаной информации, что русская революционная эмиграция едва успевала «переваривать» и обсуждать эти новости. Оригинальность сложившейся ситуации состояла в том, что наряду с Временным правительством и его органами на местах, которые должны были управлять Россией впредь до созыва Учредительного собрания, в стране самочинно действовали многочисленные демократические организации, которые в глазах народа были более реальной и демократической властью, чем власть официальная. Это были Советы рабочих и солдатских депутатов, Советы крестьянских депутатов, солдатские комитеты, комитеты общественных организаций (общественной безопасности, общественного спасения и др.). Под нажимом снизу бурно шел процесс демократизации старой армии, огромную роль в котором сыграл знаменитый приказ № 1 Петроградского совета по войскам столичного гарнизона. Явочным порядком осуществлялся переход к 8-часовому рабочему дню. Место царской полиции занимала рабочая милиция.

Среди меньшевиков, эсеров и части большевиков преобладало мнение, что нужно поддерживать Временное правительство постольку, поскольку оно будет защищать и развивать завоевания революции, тем более что в составе кабинета князя Г.Е.Львова был и бывший лидер Трудовой группы IV Государственной Думы, а ныне эсер, адвокат А.Ф.Керенский, блестящий демагогический талант которого покорял в то время сотни тысяч людей. Многого ждали и от Петроградского Совета, ставшего в марте 1917 г. хозяином столицы. Внешне его программа выглядела достаточно привлекательно: заключение всеобщего демократического мира, планомерное регулирование производства и потребления под контролем государства, ограничение всех видов дохода с капитала, подготовка радикальной аграрной реформы, созыв Учредительного собрания.

Вопрос заключался, однако, в том, захочет ли проводить подобный политический курс Временное правительство и сумеет ли Совет настоять на своем?

Огромная многонациональная страна жила в те дни в состоянии революционной эйфории. Непрерывные митинги, собрания, выход из подполья вчера еще запрещенных социалистических партий, соединение стихийного «революционного оборончества» с призывами к демократическому справедливому миру — такова была общая атмосфера, царившая в Петрограде и других крупных городах России в первые недели после Февральской революции.

В мировой истории было немного правительств, которые находились в столь же трудном и, в сущности говоря, тупиковом положении, в какое попало русское Временное правительство в 1917 г. Придя к власти, оно сразу же столкнулось с множеством острейших политических, социальных и экономических проблем — войной, разрухой, угрозой голода, аграрным и национальным вопросами, проблемой демократизации государственного строя. Все они требовали быстрого и главное — радикального решения. За окнами петроградского Мариинского дворца, где заседало правительство, бурлила, митинговала, неистовствовала демократическая «улица», требовавшая выполнения данных ей меньшевиками и эсерами обещаний скорого прекращения войны, решения продовольственного вопроса, повышения заработной платы, передачи в руки крестьян помещичьей земли. А из нарядных особняков финансовых воротил от правительства требовали совсем иного: поскорее обуздать эту самую «улицу», поставить на место зарвавшихся в своих требованиях рабочих, продолжать войну, обеспечить в стране твердую, стабильную власть. Наконец, посольства стран Антанты настаивали на новом энергичном наступлении русской армии против Германии, но не слишком торопились с финансовой и экономической помощью России.

Пытаясь лавировать между народом и имущими классами, Временное правительство объявило амнистию всем политическим заключенным, отменило смертную казнь. Был принят закон о хлебной монополии, начат переход к карточной системе на продукты питания, выпущен так наз. «заем свободы». В то же время война продолжалась, республика в стране провозглашена не была, выборы в Учредительное собрание откладывались до конца года, самочинные захваты крестьянами помещичьих земель строго осуждались, положение национальных окраин оставалось неопределенным. В стране разрастался экономический кризис. Первое опьянение долгожданной свободой сменялось разочарованием. Чувствовалось, что приближается новая полоса самой острой социально-политической борьбы.

Несмотря на сложность обстановки в России и хроническую болезнь, Плеханов решил как можно скорее вернуться на родину. Конечно, хорошо было бы дождаться теплых дней, поскольку рез-

кая смена климата могла неблагоприятно отразиться на состоянии здоровья Георгия Валентиновича. Но единомышленники Плеханова в Петрограде торопили его с приездом, и он сдался. «Я солдат революции. Она меня зовет, и я должен быть там, где требуют меня ее интересы», — говорил Плеханов<sup>1</sup>.

Когда Розалию Марковну спрашивали позже, не был ли приезд Плеханова в Россию в 1917 г. ошибкой, ускорившей его физический конец, она неизменно отвечала: он не мог не ехать. Прекрасно сознавая, что судьба вряд ли отпустит ему много времени, что в России будет очень трудно и отношение рабочих к нему сильно изменилось, Плеханов тем не менее, не задумываясь, готов был променять свою итало-швейцарскую идиллию на «безумный» Петроград. Слишком свежа еще была в его памяти трагедия, пережитая на рубеже 1905—1906 гг., когда болезнь, а потом усиление правительственной реакции помешали ему вернуться на родину. Поэтому Плеханов решил ни в коем случае не медлить с отъездом.

Но теперь, весной 1917 г. возникли новые затруднения: ведь прямой путь в Россию через Германию был закрыт, поскольку в глазах германского правительства Плеханов, в отличие от «пораженца» Ленина, был отъявленным врагом. Выручил счастливый случай: 24 марта Георгий Валентинович получил предложение ехать в Петроград вместе с делегацией французских и английских социалистов, которые решили посетить революционную Россию, чтобы дать новый импульс военному союзу между странами Антанты.

Санаторий в Сан-Ремо был оставлен на попечение дочери Лидии, которая, как и мать, была врачом и помогала Р.М.Плехановой в лечении больных. На рассвете 25 марта Георгий Валентинович с женой уехали в Париж. Здесь они повидались с Жюлем Гедом и дочерью Евгенией, которая была замужем за французом Бато, а затем отправились в Лондон. Их пребывание в британской столице 1—4 апреля 1917 г. держалось в секрете, поскольку возникло опасение, как бы немецкая разведка не помешала возвращению Плеханова на родину. Тем не менее он успел встретиться с лидером английских социал-демократов Генри Гайндманом и приехавшим в Англию в ноябре 1916 г. после нескольких лет жизни в США Л.Г.Дейчем, тоже собиравшимся в Россию.

Дейч нашел старого товарища сильно изменившимся физически, но по-прежнему подтянутым и остроумным. «Судьба дала мне хорошую голову, но плохое здоровье», — шутил Плеханов. Он досадовал на то, что не сможет служить в этот ответственный для судеб России момент в армии, говорил, что постарается повлиять на солдат, чтобы поднять их патриотический дух, возмущался паци-

<sup>1</sup> Год на родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 8. С. 86 (далее: Диалог).

фистскими взглядами Мартова<sup>1</sup>. 8 апреля 1917 г. по н. ст. Плеханов с женой отплыли из шотландского порта Абердин к берегам континентальной Европы.

Сначала предполагалось отправить Плеханова с женой и делегацию в составе 8 английских и французских социалистов на британском миноносце, т.к. в Северном море было полно немецких подводных лодок. Но поскольку присутствие женщин на военном корабле не допускалось, от этого заманчивого плана пришлось отказаться, и всех пассажиров, включая группу русских студентов, застрявших в Европе с лета 1914 г., и нескольких военнопленных, бежавших из германских лагерей, погрузили на небольшой пассажирский пароход. При этом им сразу же раздали спасательные пояса и предложили спать не раздеваясь — настолько рискованным считалось это 36-часовое плавание к берегам Норвегии. Дальнейший путь шел через Христианию (Осло), Стокгольм и Финляндию.

На пограничной станции Торнео Плеханов успел переброситься несколькими фразами с возвращавшимся из Петрограда известным шведским социал-демократом Карлом Брантингом и был радушно встречен редактором журнала «Современный мир» Н.И.Иорданским, специально приехавшим сюда, чтобы сопровождать Георгия Валентиновича до российской столицы. Иорданский был давно знаком с Плехановым, разделял многие его взгляды и с удовольствием сообщил ему, что в Петрограде недавно оформилась социал-демократическая группа «Единство» плехановского направления. В ее Временный комитет вошли хорошо известные Плеханову депутат Думы А.Ф.Бурьянов, доктор Н.В.Васильев, сам Иорданский и несколько более второстепенных фигур. Захватил с собой Иорданский и первые номера ежедневной газеты «Единство», где уже было анонсировано «ближайшее участие» в ней Георгия Валентиновича. Выслушав рассказ о полсении в Петрограде, Плеханов заметно помрачнел и сказал жене, что, видимо, в России начинается анархия и развал, а сил для борьбы с ними может не оказаться<sup>2</sup>.

Между тем с утра 31 марта (13 апреля) в столице уже шли приготовления к торжественной встрече Плеханова. Поздно вечером на площади у Финляндского вокзала, куда должен был прибыть поезд, собралось несколько тысяч встречающих. Здесь были представители воинских частей с оркестрами и знаменами, отряды рабочей милиции, делегации от крупных петроградских заводов, студенческая молодежь, интеллигенция. Пришли жившая в России с 1905 г. В.И.Засулич, лидеры столичного Совета рабочих и солдатских депутатов Н.С.Чхеидзе, И.Г.Церетели и М.И.Скобелев, члены Организационного комитета меньшевиков, редакции

<sup>1</sup> Вопросы истории. 1996. № 3. С. 13 (здесь и далее цитируются записные книжки Л.Г.Дейча, недавно преданные гласности его потомками).

<sup>2</sup> См.: Диалог. 1991. № 9. С. 78.

«Современного мира», группы «Единство». Были и сотрудники английского и французского посольств, встречавшие социалистов-парламентариев своих стран, а также несколько чиновников из отдела труда министерства торговли и промышленности Временного правительства.

Около полуночи поезд медленно подошел к перрону. Раздались крики «Ура!», «Да здравствует Плеханов!», «Добро пожаловать!», звуки «Марсельезы». В бывших царских комнатах вокзала с приветствием к Плеханову обратился председатель Петроградского совета Чхеидзе, назвавший Георгия Валентиновича дорогим учителем. «Ваше пророчество о том, что революция в России победит только как революция рабочего класса, подтвердилось, — сказал он. — Мы надеемся и выражаем желание, чтобы Вы заняли в нашей среде то первенствующее место, которое Вам по праву принадлежит, и еще долго работали над осуществлением идеалов социализма». С речами выступили также представитель ОК РСДРП Б.О. Богданов и один солдат. Тут же Плеханову был вручен членский билет группы «Единство».

Растроганный и счастливый Георгий Валентинович отвечал каждому оратору в отдельности. Он говорил о необходимости единения всех демократических сил России, закрепления завоеваний Февральской революции и обороны страны от внешнего врага. Я счастлив, сказал Плеханов, что красное знамя, поднятое 40 лет назад на Казанской площади в Петербурге, развеивается ныне над всей русской землей. Он выразил горячее желание поработать еще на пользу революции, но добавил, что готов и умереть за ее победу.

По окончании торжественной церемонии встречи Плеханова отвезли на автомобиле в Народный дом графини Паниной, где его ждали депутаты Совета. Лишь в два часа ночи он добрался до квартиры Иорданского, который пригласил Плехановых временно разместиться у него, хотя для них уже был приготовлен номер в гостинице «Европейская».

1 апреля газета «Единство» опубликовала подробный отчет о встрече Плеханова на Финляндском вокзале и редакционную заметку «Добро пожаловать!», а затем из номера в номер пошел целый поток приветствий в его адрес, поступавших со всех концов России от рабочих, студентов, солдат, учителей, служащих. Вопреки предостережениям близких, считавших, что Георгию Валентиновичу нужно сначала акклиматизироваться в сыром и ветреном Петрограде, хорошенько отдохнуть с дороги и только потом активно включаться в политическую борьбу, он уже 2 апреля 1917 г. выступил перед делегатами Всероссийского совещания Советов, повторив в основном то, что уже говорил на Финляндском вокзале. В зале то и дело вспыхивали аплодисменты, а когда Плеханов, Чхеидзе, Церетели, а также английские и французские социалисты взялись за руки, демонстрируя единение российской и европейской демократии, началась настоящая овация. «Марсельезу» сменил «Интер-

национал». Сохранилась фотография, сделанная во время работы совещания. На ней сильно постаревший, похудевший, утомленный, но неизменно уважаемый Плеханов запечатлен в окружении Чхеидзе, Скобелева, Церетели, Богданова, председателя рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета Гвоздева и других делегатов и гостей.

На следующий день, 3 апреля Плеханов в течение шести часов вел заключительное заседание Всероссийского совещания Советов в Таврическом дворце и закрыл его краткой речью, в которой предостерегал от гражданской войны и особенно от конфликтов между армией и народом. Но огромное напряжение последних дней не прошло для него даром: Плеханова свалил жесточайший грипп, его мучили приступы удушья, бессоница.

В те дни на квартире Иорданского то и дело звонил телефон, приходили посетители. Когда Георгию Валентиновичу стало немного лучше, визиты вежливости нанесли ему новый верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев, адмирал А.В. Колчак, известный правый монархист В.М. Пуришкевич, председатель IV Государственной Думы М.В. Родзянко, которые высоко оценили патристическую позицию Плеханова. Побывали у него также французский министр-социалист Альбер Тома и бельгийский социалист де Брукер, находившиеся в Петрограде, меньшевики Чхеидзе и Церетели, делегации киевских рабочих и депутатов финского сейма.

Во время болезни у Плеханова было достаточно времени, чтобы собраться с мыслями и проанализировать первые петроградские впечатления. Он не мог не почувствовать то пьянящее ощущение свободы, которое кружило тогда головы сотням тысяч людей, видел их горящие глаза, красные банты в петлицах, постоянно мелькавшие на улицах революционные лозунги и транспаранты. Но было и немало такого, что заставляло задуматься: безудержная солдатская и матросская вольница, падение дисциплины, тяга людей к миру любой ценой вплоть до сепаратного мира с территориальными потерями и контрибуцией в пользу Германии. Ошибкой казался Плеханову и пацифистский тон обращения Петроградского совета «К народам всего мира». Чувствовалось, что рабочим нужны теперь совсем иные вожди, которые вскоре стали одним за другим возвращаться в Петроград из эмиграции.

3 апреля из Швейцарии через Германию и Скандинавию прибыл в столицу Ленин, которому была устроена грандиозная встреча, затмившая по своей массовости, энтузиазму встречающих и главное — по новизне и неожиданности брошенных в толпу лидером большевиков лозунгов встречу самого Плеханова. В «Апрельских тезисах» Ленина было что-то такое, что в корне меняло марксистские представления о революции и наполняло сердца одних надеждой и радостью, а других — предчувствием близкой и, увы, неотвратимой катастрофы. Призыв к скорейшему переходу от первого, антимонархического этапа революции ко второму, который даст власть

рабочим и беднейшему крестьянству, трудно было осмыслить не только меньшевикам, но и многим руководителям большевиков. Недаром репортер «Единства», побывавший утром 4 апреля на докладе Ленина в Таврическом дворце, назвал его «бредовым»<sup>1</sup>. И хотя лидер большевиков не призывал в нем к гражданской войне, насильственному свержению Временного правительства и немедленному «введению социализма», специально подчеркивая, что речь у него идет исключительно о мирном развитии революции и естественной борьбе политических сил внутри Советов, его идейным противникам уже слышались за ленинскими призывами треск винтовочных выстрелов, пулеметные очереди и разрывы снарядов.

Несмотря на болезнь, Плеханов откликнулся на «Апрельские тезисы» Ленина без промедления: как опытный политический деятель он прекрасно понимал, что в накаленной атмосфере революционного Петрограда самая «бредовая», на первый взгляд, идея может быстро пустить корни и тогда бороться с ней будет уже очень и очень трудно. Вот почему лишенный возможности писать, Плеханов решил продиктовать свой ответ Ленину, предназначенный для публикации в «Единстве».

Своему комментарию к «Апрельским тезисам» Плеханов дал подчеркнуто вызывающее название: «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен»<sup>2</sup>. В саркастической, граничащей с издевкой манере Плеханов охарактеризовал ленинский программный документ как произведение, стоящее в одном ряду с русской классикой на «психиатрическую» тему — «Палатой № 6» Чехова и «Записками титулярного советника А. И. Поприщина» Гоголя, хотя и уступающее им по степени таланта и мастерства автора.

Сам призыв к продолжению и углублению революции Плеханов охарактеризовал как «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на русской земле». Он был твердо убежден, что люди, мало-мальски знакомые с марксизмом, не могут говорить сейчас о социалистическом перевороте в России. Исходя из этого, Плеханов призывал все прогрессивные силы России, включая социал-демократов, сплотиться вокруг Временного правительства во имя упрочения завоеванной в феврале — марте 1917 г. свободы и для доведения войны с Германией и Австро-Венгрией до победного конца.

Своеобразным продолжением плехановской статьи стал опубликованный 9 апреля в «Единстве» фельетон «Сон Ленина», автор которого (он предпочел остаться неизвестным) нарисовал следую-

<sup>1</sup> Видимо, он лишь повторил реплику экс-большевика А. А. Богданова, который прервал Ленина словами: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!.. Стыдно аплодировать этой галиматье... вы позорите себя! Марксисты!» (см.: Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 16).

<sup>2</sup> Единство. 1917. 9 — 12 апреля.

щую картину последствий реализации «Апрельских тезисов»: капитализм свергнут, Керенский пустил себе пулю в лоб, власть перешла к Ленину, социал-демократическая партия переименована, Интернационал обновился, в Советы введены представители от завезенных в Россию китайских рабочих (именно они, несмотря на незнание русского языка, оказались, как утверждал фельетонист, самыми горячими сторонниками Ленина), все банки слились в один, в деревне созданы образцовые хозяйства. Все идет прекрасно, но тут Вильгельм II вводит в Петроград немецкие войска и распускает Советы. На этом страшном месте Ленин просыпается...

Плеханов не скрывал, что главную угрозу для молодой российской демократии он видит в гражданской войне и в победе Германии. 22 апреля 1917 г. в «Единстве» было опубликовано совместное воззвание Плеханова, Засулич и Дейча, обращенное к народам России. Оно гласило: «Гражданки и граждане! Отечество в опасности! Не надо гражданской войны. Она погубит нашу молодую свободу. Необходимо соглашение Советов рабочих и солдатских депутатов с Временным правительством. Нам не надо завоеваний, но мы не должны дать немцам подчинить себе Россию. Каждый народ имеет право свободно располагать своей судьбой. Вильгельм германский и Карл австрийский никогда не согласятся на это. Ведя войну с ними, мы защищаем свою и чужую свободу. Россия не может изменить своим союзникам. Это покрыло бы ее позором и навлекло бы на нее справедливый гнев и презрение всей демократической Европы».

Немного оправившись от болезни, Плеханов вместе с Верой Засулич и Львом Дейчем побывал 14 мая на Невском судостроительном заводе — одном из гигантов столичного машиностроения, где трудились пять тысяч рабочих. Судостроители устроили гостям очень теплую встречу и после митинга даже донесли Георгия Валентиновича на руках до машины. В своей речи он сказал, что преждевременный переход власти в руки Советов лишь повредил бы делу социализма в России. Ведь для его успеха нужна большая сознательность и организованность рабочих, тогда как сейчас в головах у них еще слишком много темноты. Я не пророк и не знаю, когда осуществится социализм, добавил Плеханов, но я знаю, что рабочим прежде всего нужно организовать себя, пользуясь той свободой, которую принесла им Февральская революция<sup>1</sup>.

Плеханов не раз подчеркивал, что «социалистический строй предполагает по крайней мере два неперемняемых условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны». И пока этих условий нет, «толковать об организации социалистического общества в нынешней России значит

<sup>1</sup> Единство. 1917. 17 мая.

вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию»<sup>1</sup>. Широко известна и другая его крылатая фраза, брошенная в июне 1917 г.: «...Русская история еще не смолола той муки, из которой со временем испечен будет пшеничный пирог социализма, и... пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся»<sup>2</sup>.

Справедливости ради нужно сказать, что Плеханов явно упрощал мысль Ленина о переходе России к социализму, поскольку лидер большевиков в то время сам предостерегал от «прыжка» из капитализма прямо в царство всеобщего равенства и полной свободы. Однако Плеханов не ошибся в своем предчувствии неизбежного и очень скорого перехода большевиков к форсированным экспериментам в духе военного коммунизма, начатым в 1918—1919 гг. правительством Ленина—Троцкого. Он слишком хорошо знал этих давних своих соперников, их максимализм, жесткость, стремление всегда доводить дело до логического конца, не считаясь с жертвами. И оказался во многом прав.

Казалось бы, оборонческая позиция Плеханова открывала самые широкие и благоприятные возможности для его сотрудничества с Временным правительством и даже для получения министерского портфеля. Еще до возвращения Георгия Валентиновича на родину в Петрограде, а затем и в Западной Европе стали распространяться слухи о предстоящем его назначении на пост министра. При этом предполагалось, что он станет первым в истории России министром труда: это было бы признанием его выдающейся роли в рабочем движении и одновременно символизировало бы твердое намерение новой власти урегулировать взаимоотношения между трудом и капиталом с учетом интересов пролетариата. Однако в первом составе Временного правительства такой пост введен не был, а после реорганизации кабинета в мае 1917 г. министром труда стал меньшевик М. И. Скобелев.

Почему же не состоялось назначение Плеханова? По свидетельству его жены, Георгий Валентинович сам отказался от этого лестного предложения<sup>3</sup>. Но есть основания полагать, что дело здесь было не только в желании или нежелании Плеханова. Как вспоминал П. Н. Милюков, ставший после Февральской революции министром иностранных дел, несколько членов кабинета Львова склонялись к сотрудничеству с социалистами и действительно планировали пригласить вернувшегося из эмиграции Плеханова на пост министра труда. Но когда он появился в Петрограде, продолжает Милюков, мы изменили свое намерение, поскольку увидели, что Плева-

<sup>1</sup> Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 129.

<sup>2</sup> Там же. С. 218.

<sup>3</sup> См.: International Review of Social History. Vol. XXVI. Part 3. P. 370.

нов олицетворяет собой уже прошлое, а не настоящее в политической мысли России<sup>1</sup>. Кроме того, сам Георгий Валентинович, узнавший о своем возможном назначении еще в Сан-Ремо, считал, что должен получить «благословение» на этот шаг от официального меньшевистского руководства<sup>2</sup>. Однако среди лидеров меньшевизма преобладало тогда мнение, что с превращением в правительственную партию им лучше не спешить, да и кандидатура Плеханова, которому, по мнению Дана, Церетели и их единомышленников, явно не хватало в последнее время политической гибкости, не вызвала в Петроградском совете и ОК РСДРП особого восторга. В итоге Плеханов оказался в ситуации, когда отказ от министерского портфеля становился для него единственным способом сохранить свое лицо.

Вторично вопрос о вхождении Плеханова в состав Временного правительства встал в мае, когда меньшевики согласились на коалицию с эсерами и кадетами. Однако и на этот раз исполком Петросовета не поддержал его кандидатуру<sup>3</sup>. В третий раз министерский портфель замаячил перед Плехановым в июле 1917 г., когда Керенский во время личной встречи с Георгием Валентиновичем (она состоялась 22 июля) предложил ему пост министра торговли и промышленности. Плеханов не отклонил этого предложения, но предупредил, что Совет рабочих и солдатских депутатов будет против такого назначения. Очевидно, это соображение и заставило премьера отступить<sup>4</sup>. Наконец, в августе 1917 г. генерал Л. Г. Корнилов планировал пригласить Плеханова в состав кабинета, призванного прикрыть режим военной диктатуры, которая была бы установлена в России в случае успеха его выступления. Впрочем, отрицательное отношение Георгия Валентиновича к генералу и к задуманному им предприятию не оставляет сомнения в том, что отказ Корнилову со стороны Плеханова был гарантирован. Так или иначе, испытание властью Плеханова миновало, причем у нас нет оснований полагать, что он воспринял эту ситуацию как-то особенно трагически, хотя в равной мере мы не можем утверждать, что Георгий Валентинович сознательно уклонялся от этой почетной, но трудной ноши.

Очень напряженно складывались и отношения Плеханова с руководством Петроградского совета, где нашли себе применение в 1917 г. многие видные деятели революционных партий. Сначала Чхеидзе и Церетели поставили вопрос о включении Плеханова в состав исполкома Совета, но тот выдвинул встречное условие — предоставить там еще одно место члену группы «Единство», своему

<sup>1</sup> См.: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 493.

<sup>2</sup> См.: Диалог. 1991. № 9. С. 79, 81.

<sup>3</sup> См.: Chernov V. The Great Russian Revolution. New Haven, 1936. P. 206.

<sup>4</sup> См.: Диалог. 1991. № 12. С. 68.

давнему товарищу по революционной борьбе Л. Г. Дейчу. Однако это предложение было отклонено<sup>1</sup>. В итоге сам Плеханов был избран рядовым членом Совета лишь 2 июня 1917 г., когда более тысячи служащих столичного железнодорожного узла решили отозвать из Петросовета своего прежнего депутата и заменить его Георгием Валентиновичем.

Надо сказать, что железнодорожники испытывали к Плеханову особое чувство. Дело в том, что в апреле 1917 г. он принял предложение министра путей сообщения кадета Н. В. Некрасова возглавить комиссию по улучшению материального положения железнодорожных служащих, мастеров и рабочих. В ее состав вошли три чиновника министерства, пять представителей Исполкома Петросовета, представитель Русского технического общества и т. д. Плеханов председательствовал лишь на трех из одиннадцати заседаний комиссии, однако надбавка к заработной плате железнодорожников, введенная 13 мая по предложению комиссии в размере от 40 до 100 руб. в месяц, получила у них название «плехановской», хотя мера эта носила лишь паллиативный характер<sup>2</sup>.

Были у Плеханова и некоторые другие общественные обязанности. Так, в июне 1917 г. он дал согласие войти в состав Совета по делам искусств в Петрограде, в августе был избран гласным в Петроградскую городскую, а в сентябре — в Царскосельскую думу от группы «Единство»<sup>3</sup>. Однако плохое состояние здоровья не позволило ему активно работать на этих постах.

Основным занятием Плеханова после возвращения в Россию стало редактирование с 5 апреля 1917 г. газеты «Единство» — ежедневного органа одноименной группы, идейным руководителем которой стал Георгий Валентинович. Очень интенсивной была в 1917 г. и его собственная литературно-публицистическая деятельность: свыше 120 статей и заметок Плеханова, опубликованных в «Единстве», составили двухтомный сборник «Год на родине», изданный уже после его смерти в 1921 г. в Париже и ставший фактически политическим завещанием этого выдающегося русского политического деятеля и мыслителя.

Этот последний пласт плехановской публицистики как бы пронизан несколькими ведущими идеями: Плеханов подчеркивал необходимость сохранения территориальной целостности России и ее позиций великой мировой державы перед лицом внешнего врага, настаивал на поисках общенационального согласия как единственной реальной альтернативы левому и правому экстремизму, требо-

<sup>1</sup> См.: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро Исполнительного комитета. М.-Л., 1925. С. 106.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Исторический архив. 1983. № 5.

<sup>3</sup> См. Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 140, 146, 148.

вал укрепления демократических завоеваний Февральской революции и борьбы с преждевременным социалистическим экспериментаторством. Он предстает здесь как искренний, убежденный в своей правоте, последовательный и чуждый всякой демагогии политик, субъективная честность которого не подлежит никакому сомнению. При этом Плеханов полностью сохраняет свои бойцовские качества, резко критикуя не только платформы Ленина, Троцкого, Мартова и их единомышленников, но и центристские взгляды Чхеидзе, Дана и Церетели, которых он называл «полубольшевиками».

Плеханов стремится к синтезу национально-патриотических и социалистических идей, пытается выступить сразу в двух ипостасях — революционера и государственного мужа, защитника интересов пролетариата и представителя широко понятых интересов общественного прогресса. При этом патриот и государственник в конечном счете берут в нем верх над социалистом и революционером в их традиционном марксистском понимании, что дает повод критикам слева обвинять его в социал-шовинизме и социал-реформизме. В накаленной политической обстановке России 1917 г. идеи Плеханова настолько обгоняли свое время, настолько контрастировали с классовым эгоизмом всех слоев российского общества и их низкой политической культурой, настолько не вписывались в анархо-бунтарские, грубо-уравнительные настроения широких народных масс, что его политическое одиночество становилось неизбежным, а сам он превращался в глубоко трагическую фигуру отечественной истории.

Вместе с тем в плехановских статьях для «Единства» бросается в глаза определенное снижение их теоретического и литературного уровня по сравнению с произведениями, написанными в пору расцвета его таланта. Возраст и болезнь, сокращение круга общения и круга чтения, некоторая идеологическая зашоренность и односторонность подходов делали свое дело. Отсюда сокращение тематического репертуара, бесконечные повторы, несколько «лубочный», рассчитанный на массового и притом не очень образованного читателя стиль изложения, характерные для плехановской публицистики времен «Единства». Она еще ждет своих вдумчивых и объективных исследователей, но однозначных восторгов, как нам представляется, вызывать все же не может. Плеханов прилагал поистине героические усилия, чтобы тянуть малопопулярное «Единство», но кардинально выправить положение так и не сумел.

Между тем общенациональный кризис, в обстановке которого жила Россия в 1917 г., продолжал углубляться. В апреле основной удар принял на себя министр иностранных дел П. Н. Милюков, раздраживший общественное мнение своими имперскими амбициями и вызвавший бурю протестов заявлением о намерении России продолжать войну до победного конца вместе с державами Антанты. Плеханов считал, что Милюков ведет себя не очень гибко и

слишком неосторожен, предъявляя претензии на Босфор и Дарданеллы<sup>1</sup>. Однако лидер кадетов твердо стоял на своем и после массовых демонстраций 20–21 апреля вынужден был уйти в отставку. Та же участь постигла и военного министра А. И. Гучкова, ратовавшего за активное продолжение войны и укрепление воинской дисциплины. Дело кончилось созданием коалиционного кабинета Львова с участием шести министров-социалистов и десяти министров, представлявших партии имущих классов. Однако коренных изменений в правительственном курсе после этого не произошло, и социальная напряженность в стране продолжала нарастать.

7 мая 1917 г. в Петрограде открылась Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. Плеханов по болезни на ней отсутствовал, а Дейч сразу же заявил, что они с Плехановым больше не считают себя меньшевиками, поскольку позиция Дана–Церетели, определявших линию Петросовета, ОК меньшевиков и меньшевистских министров Временного правительства, кажется им недостаточно твердой и страдает уступчивостью по отношению к большевикам и меньшевикам-интернационалистам во главе с Мартовым. После безрезультатных попыток договориться о слиянии с правыми меньшевиками-оборонцами из группы Потресова сторонники Плеханова в последней декаде июля объявили себя Всероссийской социал-демократической организацией «Единство» и заявили, что по всем вопросам будут выступать совершенно самостоятельно.

По мнению Плеханова, солдаты должны были держать фронт и крепить армейскую дисциплину, крестьяне — безропотно ждать решения Учредительного собрания о земле (при этом он допускал возможность выплаты некоторой компенсации помещикам-землеладельцам, чтобы «не увеличивать в России число бедных»), а рабочие — оставаться в своих требованиях на почве реальности, поскольку в противном случае предприниматели вынуждены будут остановить производство и в стране начнется голод<sup>2</sup>. Стоит ли говорить о том, что престиж Плеханова в глазах масс падал с каждым днем, а «Единство» все больше становилось синонимом соглашательства с господствующими классами и правительством.

В мае 1917 г. Р. М. Плеханова сняла на четыре месяца квартиру в Царском Селе (Нижний бульвар, 5) и увезла мужа из Петрограда. Наступило последнее лето в жизни Георгия Валентиновича. Он наслаждался запахом цветущих лип и сирени, неярким северным солнцем, тишиной, которая царила теперь в бывшей летней рези-

денции русских царей. Наверное, вспоминал Плеханов и юного Пушкина, «безмятежно расцветавшего» сто лет назад здесь же, в садах Лицея, и романтического гусара Лермонтова, служившего когда-то в Царском, и знаменитых царскосельских «дачников» Карамзина и Жуковского. Нет-нет, да и напоминал о себе Николай II, который еще жил в начале лета 1917 г. вместе с семьей под арестом в одном из царскосельских дворцов. А где-то совсем близко был революционный Петроград с его кипением митинговых страстей, возбужденными толпами солдат и рабочих, бесконечными съездами и заседаниями с блестящими речами Троцкого и Керенского...

Плеханов же появлялся летом 1917 г. в столице только в связи с какими-нибудь чрезвычайными обстоятельствами. Так, 9 июня он выступил в Таврическом дворце на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, еще раз повторив свою уже достаточно известную программу по вопросам войны и мира. Характерно, что в тот же самый день на съезде выступил Ленин, недвусмысленно заявивший, что в России есть партия, партия большевиков, готовая взять в свои руки власть и ответственность за судьбу огромной страны. Трудно сказать, слушали ли Плеханов и Ленин друг друга, но так или иначе, в тот день их жизненные пути в последний раз прямо пересеклись под сводами знаменитого белоколонного зала, где совсем недавно еще заседала Государственная Дума. И если лидер большевиков стремительно шел к своему звездному часу, то от Плеханова теперь все чаще отмахивались, как от надоевшего своими поучениями и, как казалось, безнадежно отставшего от жизни старого учителя.

В дни работы съезда Советов остро встал вопрос о проведении демонстрации рабочих и солдат Петрограда, недовольных внутренней и внешней политикой правительства. Большевики наметили ее на 10 июня, но меньшевики и эсеры, усмотрев в этом чуть ли не попытку переворота, настояли на переносе народного шествия на 18 июня, а поводом для него избрали возложение венков на могилы жертв Февральской революции на Марсовом поле. В демонстрации, продолжавшейся несколько часов, приняло участие более 400 тыс. чел., которые несли красные флаги и транспаранты с лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов!», «Пора кончать войну!», «Вся власть Советам!», «Ни сепаратного мира с немцами, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами!». Лозунгов в поддержку правительства почти не было, и плехановская группа «Единство» вместе с казаками были в этом отношении чуть ли не единственным исключением.

В тот же день началось и давно ожидавшееся, но быстро захлебнувшееся наступление на фронте. В Петрограде о нем узнали на следующий день, 19 июня. Наступление вызвало неоднозначную реакцию: часть обывательской массы, охваченная патриотическим

<sup>1</sup> См.: Диалог. 1991. № 10. С. 84–85.

<sup>2</sup> См.: Плеханов Г. В. Год на родине. Т. I. С. 32, 219, 149–151, 129–130 и др.

угаром, ликовала, съезд Советов призвал страну напрячь все силы для помощи армии, но основная масса населения встретила вести с фронта без всякого энтузиазма, а многие — с явным осуждением.

Около 4 часов дня толпа с портретами военного и морского министра Керенского направилась к Мариинскому дворцу, а оттуда — к редакции «Единства» на Владимирском проспекте. Вышедший к участникам демонстрации Плеханов в сильных выражениях заклеил тех, кто призывал к братанию солдат с противником и к прекращению войны, и заявил, что без победы на фронте не может быть свободной России. Затем колонна вместе с Плехановым пошла по Невскому к Казанскому собору. Здесь состоялся еще один митинг, на котором вновь выступил Плеханов.

В начале июля в России разразился еще более острый политический кризис, созданный демонстративной отставкой трех кадетских министров, недовольных уступками правительства Львова требованиям украинских автономистов, с одной стороны, и протестом масс против продолжения войны и ухудшения и без того тяжелого материального положения народа — с другой. Солдаты некоторых частей столичного гарнизона были взволнованы слухами о предстоящей отправке их на фронт и вышли на улицы города. Днем 3 июля экстремистски настроенная часть петроградских большевиков предприняла неудачную попытку поднять солдат и матросов на открытое восстание против правительства. Однако в ЦК большевиков (Ленин в этот момент в столице отсутствовал) быстро поняли, что шансов на успех в данный момент нет, и решили ограничиться очередной общегородской демонстрацией под лозунгом «Вся власть Советам!» Не обошлось без эксцессов, вызванных действиями ультралевых и ультраправых политических сил. Начались перестрелки, сопровождавшиеся жертвами. Петроград оказался на грани гражданской войны. 4 июля повторилось то же самое, хотя возвратившийся срочно в столицу Ленин и ЦК большевиков пытались как-то успокоить солдат и матросов. От имени ЦИК Советов и Временного правительства с фронта были вызваны войска для подавления беспорядков. Одновременно развернулась бешеная травля большевиков, которых обвинили в сговоре с германским правительством и в национальной измене. Обывателю внушали, что Ленин — немецкий шпион, продавший за кайзеровское золото и предавший национальные интересы России. Появился и приказ о его аресте, заставивший лидера большевиков скрыться из Петрограда.

7 июля Львов ушел в отставку, а 24 июля было сформировано новое коалиционное правительство во главе с Керенским. На фронте ввели смертную казнь, началось разоружение рабочей Красной гвардии, причем лидеры меньшевиков и эсеров санкционировали все эти меры, а Церетели стал управляющим министерством внутренних дел, взяв на себя ответственность за преследования больше-

виков. В свою очередь прошедший в конце июля — начале августа в Петрограде VI съезд большевиков взял курс на подготовку вооруженного свержения Временного правительства.

Июльские события 1917 г., означавшие конец целого этапа в развитии революции, Плеханов однозначно воспринял как большевистскую авантюру. Он обрушил на Ленина град обвинений в бланкизме, разжигании темных инстинктов толпы, полном пренебрежении к судьбам родины и если не формальном, то фактическом сговоре с Германией. «...Слишком много жестокого, быть может, совершенно непоправимого вреда принес этот человек России», — писал Плеханов о Ленине 11 июля, не раз повторив затем на страницах «Единства», что ленинцы вошли в сношения с неприятелем и «оплодотворили свою энергию его золотом»<sup>1</sup>. При этом он подчеркивал, что последователи ленинской «Правды» сеяли в стране внутреннюю смуту и развращали армию в полном согласии с планами германского генерального штаба<sup>2</sup>. Таким образом, голос Плеханова влился в тот мощный антибольшевистский хор, который звучал в июльские дни в Петрограде и провинции, требуя спасти молодую российскую демократию от нового узурпатора.

Больше того, Плеханов был убежден, что независимо от того, будет ли доказана связь Ленина с немецкой разведкой или нет, его необходимо арестовать во имя сохранения внутреннего мира в России и укрепления обороны страны. В августе 1917 г., беседуя в Москве во время Государственного совещания со своим давним знакомым и оппонентом по философским вопросам, бывшим большевиком Н. В. Вольским (Валентиновым), Георгий Валентинович сказал ему примерно следующее: «Получал ли Ленин деньги от немцев? На этот счет ничего определенного не могу сказать. Установить это — дело разведки, следствия, суда. Могу только сказать, что Ленин менее чистоплотен, чем, например, Бланки или Бакунин, замесившие в его голове Маркса. Арестовать Ленина после июльских дней, конечно, было необходимо. Революция дала стране полную свободу слова. Ленин вместо того, чтобы добиваться своих, на мой взгляд, бредовых идей только словом, хотел их проводить, опираясь на вооруженные банды. А когда оружие критики, как говорил Маркс, заменяется критикой оружием, тогда революционная власть на такую критику должна отвечать тоже оружием. Очень жалею, что наше мягкотелое правительство не сумело арестовать Ленина. Все говорят, что он скрывается где-то вблизи Петербурга и из своего убежища продолжает и писать, и давать приказы своей армии, иными словами разлагать революцию и играть на руку немцам. Контрразведка Временного правительства так бездарна,

<sup>1</sup> Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. II. С. 30, 58.

<sup>2</sup> Там же. С. 55.

что найти Ленина не может. Савинков мне сказал, что ловить Ленина не его дело, но если бы он этим занялся, то уже на третий день Ленин был бы уже отыскан и арестован»<sup>1</sup>.

Оставляем на совести Плеханова те выражения, в которых он говорил здесь о Ленине и большевиках (сейчас у нас в России можно услышать о событиях 1917 г. и не такое). Совершенно очевидно, что Георгий Валентинович сильно упрощал ситуацию, сводя все дело только к проискам рвущегося к власти Ленина, большевиков и якобы стоявших за их спиной немецких спецслужб, но не замечая глубинных причин общенационального кризиса в стране, которые не пристало не замечать марксисту. Не располагая реальными фактами, он подменял их сомнительными предположениями, невольно опускаясь до уровня Алексинского или прапорщика Ермоленко, которые снабжали Временное правительство и контрразведку информацией по этому вопросу. Добавим лишь, что и через восемьдесят лет после описываемых событий, в конце XX столетия историки не очень продвинулись вперед в решении проблемы «Ленин и немецкое золото» и наиболее объективные из них не склонны придавать этому фактору (если даже предположить, что большевики получали финансовую поддержку из немецких источников) решающее для судеб российской революции значение.

Несколько позже, 10 и 14 сентября 1917 г. Плеханов был подвергнут в Царском Селе допросу в качестве свидетеля по делу о вооруженном выступлении 3–5 июля в Петрограде. Точнее говоря, следователя интересовало, что знает Георгий Валентинович о возможных связях Ленина, Троцкого, Зиновьева, Радека, Раковского, Ганецкого, Парвуса с немецкой разведкой, поскольку слухи о продавшихся Германии большевиках после июльских событий росли, как снежный ком.

«Ленина я знаю давно, познакомившись с ним в Женеве в 1895 году, — показал Плеханов. — До 1903 года мы шли вместе как партийные работники, участвовали в издании «Искры» и прочее. Тогда Ленин был с нами заодно. С 1903 года я разошелся с ним, так как он внес раскол в партию, не согласившись с необходимыми и законными уступками (в отношении меньшевиков. — С.Т.). С годами это расхождение усугублялось.

В Ленине поражает его неразборчивость в средствах, особенно обнаружившаяся в 1905–1907 годах. Приемы, которые практиковал тогда Ленин, старательно разоблачены в брошюре Л.Мартова, изданной за границей в 1908 году (в 1911 г. — С.Т.) под заглавием «Спасители» или «разрушители» («Спасители или упразднители» — С.Т.). Я теперь уже не припомню отдельных фактов, изложенных в брошюре, но в ней речь идет о сношениях с разбойничьей

шайкой. Насколько помню, в этой брошюре разбойник Сашка Лбов жаловался на недобросовестность и обман ленинцев (имеется в виду известный уральский экспроприатор А.М.Лбов и его конфликт с большевиками. — С.Т.).

В один из моментов обострения борьбы между большевиками и меньшевиками последние обвиняли Ленина в похищении адресованных им писем. Ленин не отрицал этого факта, заявив, что интересы дела требовали этого. В этом Ленин признался печатно в 1904 году, насколько припоминаю, в «Социал-демократе» (в меньшевистской газете под таким названием статей Ленина никогда не публиковалось. — С.Т.).

Эта неразборчивость Ленина позволяет мне допускать, что он для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, завезенными для него идущими из Германии. При этом я исключаю всякую мысль о каких-либо личных корыстных намерениях Ленина. Я убежден, что даже самые предосудительные и преступные, с точки зрения закона, действия совершались им ради торжества его тактики.

На вопрос о том, почему Германия могла служить Ленину своими средствами, отвечаю, что тактика ленинская была до последней степени выгодна (Германии. — С.Т.), крайне ослабляя боеспособность русской армии. Недаром германская печать нередко с нежностью говорила о Ленине как об истинном воплощении русского духа. Но повторяю, я говорю только в пределах психологической возможности и не знаю ни одного факта, который доказывал бы, что психологическая возможность перешла в преступное действие»<sup>1</sup>.

Интересно еще одно место из показаний Плеханова: «Причины расхождения моего с Лениным заключались, во-первых, в слишком узком понимании им организационного централизма. При таком его понимании не оставалось бы места для самостоятельности рядовых членов партии, притом мне кажется, что «дирижерская палочка» имеет слишком много привлекательности для Ленина по мотивам личного честолюбия. Вторая причина все большего и большего расхождения моего с Лениным заключалась в тактических разногласиях: я отстаивал идею взаимного сближения всех политических партий, враждебных абсолютизму; Ленин понимал, как известно, классовую борьбу в том смысле, что с партией народной свободы (кадетами. — С.Т.) нужно бороться едва ли не ожесточеннее, нежели с защитниками царской власти. Впрочем, сильно расходясь между собою, мы до поры до времени продолжали действовать в рамках одной партии»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 12а. Л. 100–101.

<sup>2</sup> Там же. 111 об.

<sup>1</sup> Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 190.

Касаясь вопроса о позиции социалистов-интернационалистов, объединившихся в 1915 г. в рамках так наз. циммервальдского движения, и их расхождениях с лидерами II Интернационала, Плеханов написал собственной рукой (все остальные показания записаны следователем): «Как мало общего между настоящим Интернационалом и Интернационалом циммервальдистов, видно из того, что самые выдающиеся деятели первого были объявлены изменниками в органах циммервальдистов: Жюль Гед во Франции, Гайндман в Англии, Вандервельде в Бельгии и т.д. (замечу мимоходом, что Вандервельде был председателем Второго Интернационала, т.е. его бюро, находившегося в Брюсселе). Как я выразился в одной из своих статей, маленькие люди показались кое-кому большими, когда большие сошли со сцены.

В идейном отношении разница между этими двумя Интернационалами сводится к тому, что настоящий Интернационал признавал, что социалисты атакованной страны обязаны принимать деятельнейшее участие в ее самозащите, тогда как циммервальдисты говорят, что невозможно разобрать, какая страна нападает и какая защищается. Отсюда они делают тот вывод, что следует перенести войну с фронта внутрь страны, т.е. постараться обострить, пользуясь войной, происходящую в цивилизованном обществе борьбу классов. Наоборот, члены второго, т.е. настоящего Интернационала, допускают в интересах самозащиты страны сближение между классами, их «перемирие». Примеры: вступление Жюля Геда, Самба и А.Тома во французское министерство, а Вандервельде — в бельгийское. За это-то перемирие циммервальдисты и объявили их изменниками. Основная идея «Третьего Интернационала» — отказ от различия между нападающей страной и страной обороняющейся — ведет свою родословную от голландского анархо-синдикалиста Д.Ньювенгайса, который защищал ее еще на Брюссельском международном социалистическом съезде 1891 г. и Цюрихском — 1893 г. Оба эти съезда отвергли идею Ньювенгайса.

Печальным для русского социалистического движения явилось обстоятельство, что большинство его участников, позабыв идеи и традиции старого Интернационала, примкнуло к Циммервальду: Ленин, Мартов, Чернов, М.Натансон и бесчисленное множество других. В течение шести месяцев, протекавших со времени нашей революции, Россия испытала, что означает на практике перенесение войны с фронта внутрь страны. Что касается организации съезда в Циммервальде и Кинтале, то для нее более всего сделал известный русской публике Р.Гримм, усердно поддерживаемый работавшим в его газете Радеком»<sup>1</sup>.

Довольно подробно остановился Плеханов и на своих отношениях с Троцким: «Троцкого я знаю приблизительно с 1902 года, после

того как он бежал из Сибири и, попав в эмигрантскую среду, постарался сблизиться с тогдашним центром русской социал-демократической партии. Он произвел на этот центр хорошее впечатление, и его нашли талантливым молодым человеком. Поднимался даже вопрос о включении его в состав редакции «Зари» и «Искры». Один я решительно высказался против этого. Я считаю Троцкого хотя и не лишенным известной талантливости, но крайне поверхностным и в сущности пустым человеком. К тому же он тогда был лишен всяких сколько-нибудь серьезных знаний. Благодаря моей оппозиции Троцкий не был принят в состав названной редакции. Вскоре после этого, когда образовались фракции большевиков и меньшевиков, Троцкий примкнул к фракции меньшевиков, однако недолго был солидарен с ними. Он очень близко сошелся с Парвусом, жившим тогда в Мюнхене и возвещавшим близость всемирной социалистической революции. В качестве глашатая близкого всемирного социалистического взрыва Троцкий выступал в 1905 — 1907 годах»<sup>1</sup>.

Далее Плеханов рассказал о том, как после начала мировой войны Троцкий, несмотря на довольно натянутые отношения между ними, обратился к нему за рекомендацией к французскому социалисту Ж.Геду на предмет получения разрешения на свободное перемещение в прифронтовой полосе в качестве корреспондента русской газеты «Киевская мысль». Просьбу эту Плеханов выполнил. Однако вскоре Троцкий начал резко нападать на Плеханова за его социал-патриотизм, и всякие контакты между ними прекратились. По словам Плеханова, если бы французское правительство имело неоспоримые доказательства связи Троцкого с немецкой разведкой, оно вряд ли ограничилось бы высылкой его в 1916 г. за пределы страны. Таким образом, ничего определенного по интересовавшим следствие вопросам Плеханов не сообщил, но его двусмысленные высказывания о Ленине были явно на руку Временному правительству и противникам большевизма<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 12а. Л. 101 — 101 об.

<sup>2</sup> Отметим, что и сейчас среди историков нет единого мнения по вопросу о так наз. «немецком золоте» и причастности ко всей этой истории лично Ленина. Так, известный американский историк Р.С.Томпкинс в вышедшей в 1967 г. книге «Триумф большевизма: революция или реакция?» писал: «Находятся желающие очистить имя Ленина от подозрений в тайном преступном сговоре, в который он не посвящал даже своих товарищей-социалистов как на Западе, так и в России. Они утверждают, что даже если немецкие деньги и сыграли свою роль в материальном обеспечении успеха большевиков, лично Ленин не принимал участия в получении этих пожертвований или же не был осведомлен об источнике этих благодеяний». Сам Томпкинс, напротив, убежден, что Ленин не мог не знать о немецкой интриге и никогда не испытывал никаких угрызений совести, используя деньги немецкого происхождения в интересах российской и мировой революции

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 12а. Л. 113 — 114.

20–24 июля 1917 г. прошло первое всероссийское совещание организации «Единство». В нем приняли участие 26 делегатов от 21 местной группы из Москвы, Одессы, Самары, Нижнего Новгорода, Саратова, Киева, Вологды, Ревеля и других мест, а также руководящие деятели «Единства» Н. В. Васильев, Н. И. Иорданский, К. И. Фельдман, В. Н. Катин-Ярцев, А. П. Браиловский. Сам Г. В. Плеханов по болезни на совещании не присутствовал, но текст основных его резолюций, несомненно, был с ним согласован. «Единство» выступало за создание в стране твердой революционной власти, укрепление армии, созыв Учредительного собрания и координацию действий пролетарских и буржуазных организаций во имя защиты России от германской агрессии и завершения демократической революции. Для рабочих — а в них плехановцы видели главную свою опору — «Единство» добивалось нормальных условий жизни и труда и гарантий для продолжения классово-борьбы. Лозунг «Вся власть Советам!» сторонники Плеханова категорически отвергали, от меньшевиков-оборонцев требовали полного разрыва с меньшевиками-интернационалистами и призывали к созданию широкого социал-демократического союза для защиты принципов II Интернационала. Среди эсеров «Единство» признавало лишь сторонников Керенского, но зато очень сочувственно относилось к партии народных социалистов.

Совещание, хотя и в довольно туманной форме, критиковало руководителей Советов рабочих и солдатских депутатов за их непоследовательность, пацифистские иллюзии и постоянные уступки большевикам, которые оказались фактически «вне социал-демократии как классовой партии пролетариата, стоящей на почве научного социализма и принципов социалистического Интернационала». В специальной резолюции «О большевиках-ленинцах» говорилось,

(см.: Отечественная история. 1995. № 5. С. 157–160). Отсутствие документальных улик о связях большевиков с немцами в годы войны Томпкин объясняет блестящим владением Лениным искусством конспирации и чистой советских архивов после 1917 г. Он склонен доверять данным из архивов германского министерства иностранных дел, опубликованным в 1958 г. З. А. Земаном, а также свидетельству Э. Бернштейна, относящемуся к 1921 г. Общую цифру германских субсидий большевикам в 1915–1918 гг. Томпкин определяет в 70 млн. марок, или 18 млн. долларов (там же. С. 157)

Английский историк Р. Сервис не спорит с тем, что Ленин, возможно, получал немецкие субсидии, но они, по его мнению, «не могли быть «ключом» к политическим успехам партии в 1917 г.» (Service R. Lenin. A political life. L., Vol. 2. 1991. P. 251).

Характерно, что многие российские ученые (В. Л. Мальков, В. Н. Виноградов и др.) убеждены в том, что в любом случае большевики перехитрили и переиграли своих зарубежных «спонсоров», ибо, не отличаясь особой щепетильностью в добывании средств на нужды революции, они проводили, однако, свою политику, невзирая на этих «меценатов» (см.: Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 73).

что в области теории они скатились к анархо-синдикализму, а практическая их деятельность «свелась к проповеди захватов и погромов, к расстройству вооруженных сил, обороняющих страну, и вообще к вредной для всего народа и для пролетариата в особенности дезорганизации общественных сил России». Большевикам инкриминировались срыв июньского наступления на фронте, подстрекательство солдат к дезертирству и разжигание внутренней смуты. «Все это, — говорилось далее в резолюции, — завершилось наконец предьявлением вождям ленинской организации позорящего их обвинения в сношениях с неприятельскими агентами и в содействии победе неприятельских войск». Исходя из этого, участники совещания признали необходимым энергично и бесповоротно отмежеваться от ленинцев и осудить их дезорганизаторскую работу, причем сделать это должны были и другие социал-демократические течения России<sup>1</sup>.

После июльских событий критика большевизма и Ленина стала для Плеханова и членов «Единства» одной из главных задач дня. По мнению Плеханова, работать вместе с ленинцами значило бы работать на погибель русского государства и русской революции. В создавшихся условиях чисто социалистическое правительство оказалось бы крайне неустойчивым и просуществовало бы очень недолго, причем его падение явилось бы победой открытой контрреволюции и больше всего вреда принесло бы самому пролетариату. Вот почему, заключал Плеханов, России нужно сейчас коалиционное правительство, под платформой которого могли бы подписаться и представители пролетариата, и представители буржуазии<sup>2</sup>.

«Россия находится теперь в том переходном периоде своей экономической истории. — писал он в «Единстве» 16 июля 1917 г., — в течение которого пролетариат может не только без ущерба, но с выгодой для себя вступать в соглашения с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что задерживает развитие наших производительных сил»<sup>3</sup>. 9 августа Плеханов, как бы продолжая эту мысль, подчеркивал: «...Если бы наш рабочий класс захотел стеснять дальнейшее развитие капиталистического способа производства, он тем самым нанес бы жестокий вред как всей стране, так и своим собственным интересам... Лучшим средством борьбы с распространением утопических лозунгов в среде русского пролетариата явится система широких социальных реформ, выработанная путем всесторонне обдуманного соглашения между революционной демократией и торгово-промышленной буржуазией»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: Большевики в 1917 году. М., 1995. Т. 2. С. 798.

<sup>2</sup> См.: Плеханов Г. В. Год на родине. Т. II. С. 41.

<sup>3</sup> Там же. С. 43.

<sup>4</sup> Там же. С. 83, 85.

Сама мысль о социалистической революции в России в данный момент казалась Плеханову чудовищной. Диктатура пролетариата станет возможной и желательной лишь тогда, писал он, когда наемные рабочие будут составлять большинство населения страны. Поэтому для России социализм — это дело сравнительно отдаленного будущего. «Война, так беспощадно разоблачившая нашу постыдную техническую беспомощность и обусловленную ею страшную экономическую отсталость, доказала это с математической убедительностью, — писал Плеханов. — Очередным вопросом... является у нас теперь развитие производительных сил на капиталистической основе»<sup>1</sup>.

Плеханов призывал перестать третировать буржуазию как «отживший» класс, способный лишь вредить делу общественного прогресса, и искать с ней компромисса. При этом он рассуждал так. Рабочим нужна работа, капиталистам — прибыль. Но буржуазия отнюдь не заинтересована в восстановлении царского режима, который тормозил развитие производительных сил, и тем более в поражении России в войне с Германией. А это означает, что в принципе возможно взаимовыгодное соглашение между пролетариатом и буржуазией на базе «оборонческой» платформы и обоюдных уступок. Конечно, это было бы сделкой, признавал Плеханов, но такая сделка — не грех<sup>2</sup>.

Плеханов призывал обе стороны проявить благоразумие. «Капитанам промышленности» он доказывал, что расходы по повышению жизненного уровня рабочих, их просвещению и организации с лихвой окупятся в дальнейшем за счет повышения производительности труда и подъема производства. Рабочим, наоборот, внушалось, что предъявление капиталистам заведомо неисполнимых требований, сопровождаемых вдобавок угрозами и насилием, лишь усилит экономическую разруху и приведет к остановке работы на фабриках и заводах<sup>3</sup>. В итоге Плеханов приходил к выводу, что в создавшихся в то время в России условиях классовая борьба была бы вредна<sup>4</sup>.

Бывают ситуации, считал он, когда интересы самого эксплуатируемого класса требуют от него на время ослабить борьбу с эксплуататорами, чтобы дать отпор силам контрреволюции, пытающимся наложить свое иго и на первых, и на вторых<sup>5</sup>. Ошибаются те, кто думает, будто у рабочих не может быть с господствующими классами никаких общих интересов. Все, что задерживает быстрый рост капитала, вредит не только капиталистам, но и рабочим. Это могут быть отсталые политические учреждения, существующие в данной

<sup>1</sup> Плеханов Г. В. Год на родине. Т. II. С. 30, 53—54.

<sup>2</sup> Там же. С. 41—44.

<sup>3</sup> Там же. С. 54, 55.

<sup>4</sup> Там же. С. 96.

<sup>5</sup> Там же. С. 54—55.

стране, или конкуренция между различными капиталистическими странами, приводящая к войнам между ними. И если в Германии пролетариат заключил на период войны блок с немецкой буржуазией, то аналогичный блок должен существовать и в странах Антанты, включая Россию<sup>1</sup>.

Столь откровенные пассажи Плеханова, естественно, давали богатую пищу для его идейных противников, обвинявших родоначальника русского марксизма в явном отходе от принципов классовой борьбы и позорном соглашательстве с буржуазией. Но между классическими реформистами и Плехановым было одно немаловажное различие: если первые видели в затухании классовой борьбы ведущую тенденцию в развитии современного буржуазного общества, опровергающую выводы Маркса, то Плеханов рассматривал это явление лишь в контексте определенной социально-политической конъюнктуры, когда естественное при капитализме противостояние труда и капитала было осложнено вмешательством «третьей силы» — войны и только что свершившейся общенациональной революции, которая принесла с собой известное облегчение положения пролетариата, о чем, кстати говоря, свидетельствовало и заметное сокращение масштабов забастовочного движения весной и летом 1917 г. по сравнению с кануном Февральской революции.

Однако быстро прогрессирующая в стране разруха и нежелание предпринимательских кругов идти на серьезные материальные жертвы, чтобы довести войну до победного конца и избежать социального взрыва внутри России, очень скоро вернули все на круги своя. Настроение рабочих становилось все более агрессивным, и проповедь Плеханова не только не находила у них отклика, но и вызывала открытое возмущение. Сыграло свою роль и вялое течение боевых действий на русско-германском фронте, что не могло не притуплять патриотические настроения, вспыхнувшие было с новой силой после свержения царизма. В итоге Плеханов катастрофически терял рабочую и солдатскую аудиторию, но продолжал упрямо стоять на своем, ни в коем случае не считая занимаемую им позицию разрывом с идеей революции и классовой борьбы вообще.

Он видел свой прямой гражданский долг в том, чтобы донести свои идеи как до рабочих, так и до представителей торгово-промышленного класса. И когда в середине августа Георгий Валентинович получил от Керенского приглашение на Государственное совещание в Москве, он решил превратить мысль о необходимости достижения общенационального консенсуса в стержень своего предстоящего выступления.

В накаленной политической атмосфере лета 1917 г. созыв в Москве Государственного совещания, пышно разрекламированного Временным правительством в качестве подлинно общероссийского

<sup>1</sup> Группа «Освобождение Труда». Сб. 5. С. 12, 16.

форума с участием самых светлых умов страны, призван был как-то успокоить общественное мнение в ожидании откладывавшегося на конец года Учредительного собрания. Состав участников совещания был крайне пестрым. Здесь были 13 министров Временного правительства во главе с А.Ф.Керенским, лидеры кадетов П.Н.Милоков, П.Д.Долгоруков, В.А.Маклаков, В.Д.Набоков, Ф.И.Родичев, бывшие председатели Государственной Думы Ф.А.Головин, А.И.Гучков, М.В.Родзянко, знаменитый юрист сенатор А.Ф.Кони. В Большом театре можно было увидеть также верховного главнокомандующего генерала Л.Г.Корнилова, казачьего атамана А.М.Каледина, генерала М.В.Алексеева, лидеров русских монархистов В.М.Пуришкевича и В.В.Шульгина, крупнейших представителей деловых кругов П.П.Рябушинского и А.И.Путилова. Среди актеров этого крупнейшего политического спектакля оказались председатель ЦИК Советов Н.С.Чхеидзе, известные меньшевики И.Г.Церетели и А.С.Мартынов, философ Н.А.Бердяев, социолог П.А.Сорокин, академик Петр Струве. Присутствовало и несколько десятков большевиков, хотя к Государственному совещанию они относились крайне отрицательно и даже собирались демонстративно покинуть его. 12 августа по их призыву в Москве прошла большая забастовка протеста против контрреволюционных замыслов буржуазии. Бросили работу даже буфетчики Большого театра, предоставив участникам совещания самим заботиться о своем питании.

А.Ф.Керенский решил привлечь к участию в Государственном совещании и группу «исторических», как он выразился, деятелей — патриарха русского анархизма 75-летнего князя П.А.Кропоткина, «бабушку русской революции» 73-летнюю эсерку Е.К.Брешко-Брешковскую, 60-летнего Г.В.Плеханова и первого переводчика «Капитала» на русский язык, многолетнего узника Шлиссельбургской крепости 72-летнего Г.А.Лопатина. В день открытия совещания, 12 августа 1917 г. Плеханов получил телеграмму от адъютанта Керенского, в которой говорилось, что министр-председатель очень удивлен его отсутствием и просит срочно прибыть в Москву.

Надо сказать, что к самому Керенскому Плеханов относился с изрядной долей иронии и даже некоторого презрения. В частных беседах он говорил, что Керенский напоминает ему слезливого французского поэта-романтика прошлого века Альфонса Ламартина, на короткое время ставшего в 1848 г. министром. Плеханов язвительно называл даже министра-председателя не Ламартином, а Ламартинкой, т.е. лицом скорее женского, чем мужского пола, а его манеру произносить политические речи сравнивал с декламациями в стиле известной французской актрисы Сары Бернар в каком-нибудь уездном Царевкокшайске. Конечно, это был очередной полемический перехлест Плеханова, уязвимый тем более, что с публичной критикой премьеры Георгий Валентинович предпочитал не выступать, мотивируя такую позицию довольно сомнительным аргумен-

том: «Пока нет другого правительства, забивать на смерть существующее значило бы играть на руку Ленину, делать дело Ленина»<sup>1</sup>.

Явно польщенный высоким приглашением, Плеханов вместе с женой срочно выехали вечером 12 августа в первопрестольную. Из-за наплыва именитых гостей мест в гостиницах не оказалось, и если бы не Н.В.Валентинов, предложивший Плехановым несколько дней пожить в его квартире, трудно сказать, оказался ли бы этот приезд в Москву для Георгия Валентиновича столь приятным и интересным.

Естественно, Плеханов попросил показать ему Москву, где не был со времен своей юности. Перечитав одну из глав «Былого и дум», он загорелся желанием съездить на Воробьевы горы, где сто лет назад Герцен и Огарев дали клятву посвятить жизнь служению народу. По просьбе Георгия Валентиновича артист Райский, который вел машину, ехал медленно, и Плеханов хорошо разглядел запущенные и грязные улицы Замоскворечья. С горькой усмешкой он сказал: «Ваша белокаменная на самом деле грязнокаменная и неказистая. Европы в ней мало». А на самих Воробьевых горах, окинув взором величественную панораму древней русской столицы, Плеханов вдруг взял за руку сопровождавшую его В.И.Засулич и произнес: «Вера Ивановна, ...приблизительно на этом месте Герцен и Огарев принесли свою присягу. Около сорока лет назад в другом месте — вы помните? — мы с вами тоже присягнули, что благо народа на всю жизнь будет для нас высшим законом. Наша дорога теперь явно идет под гору. Быстро приближается момент, когда мы, вернее кто-то о нас скажет: вот и все. Это, вероятно, наступит раньше, чем мы предполагаем. Пока мы еще дышим, спросим себя, смотря друг другу прямо в глаза: выполнили ли мы нашу присягу? Думаю, мы выполнили ее честно. Не правда ли, Вера Ивановна, честно?» Свидетель этой сцены Н.В.Валентинов вспоминал потом: «Не слышал, что ответила Засулич. Видел только, что на лице ее отразилось такое волнение, что, казалось, она зарыдает. Согнувшись, приложив платок к глазам, она быстро отошла в сторону»<sup>2</sup>.

Там же, на Воробьевых горах Плеханов и Засулич сфотографировались на фоне старинной вазы. Снимок вышел удивительно трогательным и печальным. У этих двух стариков, стоявших некогда у истоков русской социал-демократии, теперь все уже было в прошлом. До трагического герценовского «Вот и все» оставалось уже совсем немного...

15 августа, в заключительный день работы Государственного совещания Плеханов выступил в Большом театре с речью. Как добрый и мудрый наставник, он внушал своим слушателям, что,

<sup>1</sup> Валентинов Н.В. Наследники Ленина. С. 187.

<sup>2</sup> Валентинов Н.В. Трагедия Плеханова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. Т. 20. С. 288–289; его же. Наследники Ленина. С. 194.

поскольку России предстоит еще пережить довольно длительный период капиталистического развития, буржуазия и пролетариат должны осознать необходимость взаимных уступок. Предпринимателей Плеханов призвал к осуществлению широких социальных реформ, подъему подорванных войной производительных сил страны, пониманию тяжелого положения рабочих. В свою очередь, эти последние должны были понять, что без буржуазии им пока не прожить, что война поставила Россию на край пропасти и поэтому нужно отказаться от предъявления хозяевам предприятий чрезмерных экономических требований.

Плеханов напомнил старинную ирландскую легенду о двух кошках, которые дрались до тех пор, пока от них не остались одни хвосты. Мы не должны уподобляться таким кошкам, сказал он. Если же соглашения добиться не удастся, то погибнут не только участники драки, но и вся страна. Под аплодисменты присутствующих Георгий Валентинович заявил, что война должна продолжаться до полной победы над Германией. Сепаратный мир — это низость, и русская революционная демократия на нее никогда не пойдет, закончил он<sup>1</sup>.

Во время пребывания в Москве Плеханов трижды встречался с членами московской группы «Единство» (кстати говоря, они разочаровали его довольно низким уровнем своего политического мышления), принимал многочисленных посетителей. Выступил он и с публичной лекцией, которая была, однако, встречена слушателями весьма прохладно. Не помогло даже то, что накануне Плеханов тщательно, вплоть до жестикюляции, отрепетировал перед зеркалом свой доклад<sup>2</sup>.

По возвращении из Москвы Плеханов снова слег. Правда, в «Единстве» регулярно продолжали появляться его статьи с оценками текущих событий, главным из которых была предпринятая в конце августа генералом Корниловым попытка военного переворота. Плеханов решительно осудил корниловский мятеж как преступление и выступил за сохранение коалиционного правительства с участием кадетов, меньшевиков и эсеров. Альтернативой этому, как считал редактор «Единства», могла бы стать только победа Ленина, экономическая разруха, разочарование масс в революции и как результат — торжество контрреволюционных сил<sup>3</sup>.

Между тем события приближались к роковой черте. 21 августа русские войска оставили Ригу. Экономика страны разваливалась буквально на глазах. Крупные города и фронт испытывали острую нехватку продовольствия. Государственный долг составлял уже около 50 млрд. руб. В деревне полыхало пламя крестьянского

восстания. Росло забастовочное движение в промышленных центрах. Стремительно шел процесс большевизации Советов. Популярность большевиков — единственной социалистической партии, не скомпрометировавшей себя сотрудничеством с Временным правительством, росла с каждым днем, тогда как меньшевикам и эсерам, наоборот, не верил уже почти никто. Соглашение между различными социалистическими партиями оказалось невозможным. Меньшевикско-эсеровскому блоку противостоял теперь блок большевиков и левых эсеров. Развязка наступила 25 октября (7 ноября) 1917 г., когда в Петрограде победило организованное большевиками вооруженное восстание и к власти пришло правительство во главе с Лениным.

Буквально за несколько дней до этого к Плеханову заехал Л.Г.Дейч. «Я был сегодня в Царском Селе — давно не видел Георгия Валентиновича, и мне интересно было узнать от него, как он смотрит на положение. Но и он решительно ничего хорошего не видит, не питает никаких надежд... Керенский, очевидно, совершенно растерялся и лишь по инерции еще держится», — писал он после этого визита жене. Характерно, что старый товарищ Плеханова уже склонялся в то время к выходу из редакции «Единства», но боялся, что «это может чрезвычайно расстроить Георгия Валентиновича, который, вероятно, недолго протянет»<sup>1</sup>.

28 октября (10 ноября) 1917 г. в «Единстве» было опубликовано «Открытое письмо к петроградским рабочим», написанное Плехановым. Он откровенно признавался в нем, что события 25 октября не радуют, а, наоборот, огорчают его, хотя на протяжении многих лет он призывал торжество рабочего класса в России всеми силами своей души. Все дело в том, писал Плеханов, готов ли российский пролетариат к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Но «всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, ответит на этот вопрос решительным отрицанием. Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России».

Плеханов твердо придерживался того мнения, что диктатура пролетариата возможна только в том случае, если рабочий класс составляет в данной стране большинство населения. Что же касается крестьян, на поддержку которых могли бы рассчитывать рабочие, то им была нужна земля, а не замена капитализма социализмом. Больше того, хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена, как считал

<sup>1</sup> См.: Плеханов Г.В. Год на родине. Т. II. С. 102—107.

<sup>2</sup> См.: Валентинов Н.В. Наследники Ленина. С. 192.

<sup>3</sup> См.: Плеханов Г.В. Год на родине. Т. II. С. 129, 139, 144.

<sup>1</sup> Цит. по кн.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 327.

Плеханов, не в сторону социализма, а в сторону капитализма. «Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить «социальную революцию», то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение».

Не приходится в ближайшее время надеяться и на мировую пролетарскую революцию, продолжал Плеханов. А раз так, то в перспективе большевистскую Россию может ожидать лишь гражданская война, которая в конечном счете заставит рабочий класс отступить далеко назад от позиций, завоеванных в результате Февральской революции. Кроме того, нельзя забывать, что Россия еще не вышла из мировой войны, а это еще больше осложняет всю ситуацию и увеличивает шансы на поражение рабочего класса.

Вот почему, заключал Плеханов, «меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде... Их последствия теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или — еще того хуже — одной партией. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление. Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться».

Но снова, как это уже не раз бывало на протяжении 1917 г., обращение Плеханова осталось гласом вопиющего в пустыне. Подавляющее большинство рабочих было в упоении от своей октябрьской победы, а те, кто разделял взгляды Плеханова, не осмеливались сказать о своем сочувствии открыто. Да и кто бы послушал их в тот момент?

Вскоре после свержения Временного правительства на квартире Плеханова в Царском Селе появился Борис Савинков. Георгий Валентинович в свое время с симпатией относился к этому талантливому и яркому человеку и с удовольствием слушал его рассказы о террористической деятельности эсеров. Однако Плеханов был очень невысокого мнения о теоретических взглядах Савинкова и никогда не восхищался его романами «Конь бледный», «Конь вороной» и «То, чего не было», опубликованными под псевдонимом Ропшин. Не одобрял он и склонности Савинкова к разного рода политическим авантюрам. Характерно, что в апреле и сентябре 1917 г. Плеханов отказался сотрудничать в газетах, которые собиравался тогда издавать этот видный эсер, печатавшийся в годы войны вместе с Георгием Валентиновичем в парижском «Призыве».

После победы большевиков Савинков встал на путь активной борьбы с советской властью. В этой связи он и обратился к Плеха-

нову, предложив ему составить новый кабинет министров после того, как казаки сбросят правительство Ленина — Троцкого и войдут в Петроград. Ответ был кратким и жестким: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я буду его расстреливать тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого». Тем не менее в январе 1918 г. Савинков еще раз попытался добиться встречи с большим Плехановым в качестве делегата от Донского гражданского совета, однако ему было решительно отказано<sup>1</sup>.

31 октября (13 ноября) 1917 г. у Плехановых был произведен обыск. Нет, он не был связан с публикацией письма к петроградским рабочим. Просто в тот день красногвардейцы, солдаты и матросы обходили все «буржуазные» дома Царского Села в поисках оружия. Зашли они и к Плехановым, не имея точных сведений о том, кто живет в этой квартире. Вот как описывала случившееся в письме к дочерям в Париж от 28 ноября 1917 г. Р. М. Плеханова<sup>2</sup>.

«...Папа был в постели. Это произошло в три часа дня. Первыми пришли солдат, матрос — молодой, отлично сложенный, но это, увы, не обещало ничего хорошего — и красногвардеец, юноша 16—17 лет. «Где хозяин?» — «Он болен, лежит. Что вы хотите?» — «Нам нужен хозяин. Мы пришли искать оружие». — «Но у нас нет оружия, а хозяин болен. Подождите здесь, я пойду его предупредить». — «Нет, мы должны его видеть». И, отстранив меня рукой, визитеры направляются к двери в спальню. Я забегаю вперед и предупреждаю папу об их приходе. Я могу только сказать: «Пришли». Папа понял, о чем идет речь, поскольку в Царском Селе ждали этих визитов.

Они вошли в спальню. «Мы пришли искать оружие!» — «У нас его нет». Они ответили: «Мы знаем, что есть». — «Тогда ищите». Я открываю шкаф, твою корзину, Лидия, еще полную вещей, отправленных из Парижа... Они ничего не ищут, смотрят вокруг и не осмеливаются трогать вещи... Стук в дверь. Выхожу. Еще один матрос, постарше, свирепого вида, с револьвером в руке! И снова: «Где хозяин? Он мне нужен!» — «Он болен!» — «Мы тоже больны! Давайте оружие!» — «Мы уже сказали, что у нас нет оружия». — «Есть, и если вы его не отдадите, я вас убью на месте». Я начинаю горячиться, но папа со своим сократовским методом говорит: «Убить человека можно быстро и легко, но оружия вы все равно не найдете, потому что у меня его нет». Свирепый матрос успокаивается. У молодого красногвардейца пристыженный вид. Он спрашивает с дружелюбной улыбкой: «Вы министр?» Папа отвечает, что он не министр. — «Тогда вы член Думы?» Папа:

<sup>1</sup> Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 288—289.

<sup>2</sup> International Review of Social History. Vol. XXVI. Part 3. P. 372—374. Текст письма на французском языке.

«Нет, я не член Думы». Тогда матрос спрашивает красногвардейца: «Это не он?» — Тот колеблется.., и папа спасен. Еще один вопрос: «Какого вы сословия? Дворянин, буржуа, крестьянин?» К счастью, папа ответил: «**Писательского**». ...Матрос смущен... Папа добавил, что 40 лет боролся за народ и за революцию. На этот раз матрос спохватывается: «Ба! Керенский тоже революционер!..»

После нескольких минут колебаний и переговоров между собой они ушли. На следующий день еще раз приходили матросы, но на этот раз я их не пустила, и они беспрекословно ушли...»

Характерна приписка Р.М.Плехановой к этому письму: «В газетах писали, что папа находился под сильным впечатлением от визита матросов и что его состояние стало серьезным в результате сильного кровохарканья и т.д. и т.п. Все это **роман**. Папа был очень спокоен во время визита, его состояние не ухудшилось после этого. Не было и кровохарканья. Только поездка (имеется в виду перевоз Плеханова в Петроград. — С.Т.) причинила ему некоторый вред. Повторяю: сейчас ему лучше».

Тем не менее подобное потрясение не могло пройти для Плеханова бесследно. Понятно, что Розалия Марковна, стараясь успокоить дочерей, несколько приукрасила здесь состояние мужа во время обыска. Сам он рассказывал потом Дейчу и Потресову, навещавшим его в больнице, что считал себя обреченным и думал лишь о том, как бы сохранить самообладание и достоинство в эти последние, как ему казалось, минуты жизни<sup>1</sup>.

Обыск у Плеханова получил большой общественный резонанс. 2 ноября заметка о нем появилась в «Единстве», затем на драматическую ситуацию, в которой оказался выдающийся революционер, откликнулись и другие газеты. В адрес Плеханова стали поступать телеграммы с выражением сочувствия и возмущения по поводу случившегося. Быстро спохватились и большевики: по инициативе С.И.Гусева, работавшего тогда секретарем Петроградского военно-революционного комитета, Царскосельскому совету рабочих и солдатских депутатов была направлена радиограмма с предписанием немедленно принять «экстренные меры к полному охранению спокойствия и безопасности гражданина Георгия Валентиновича Плеханова»<sup>2</sup>. Вероятно, это решение было согласовано с Лениным<sup>3</sup>.

Однако воспользоваться «охранной грамотой» ВРК Плеханову не пришлось. Ночь с 1 на 2 ноября он провел в Царскосельской больнице, а 2 ноября Розалия Марковна с помощью знакомого врача перевезла Георгия Валентиновича на автомобиле в Петроград,

<sup>1</sup> Памяти Г.В.Плеханова (однодневная газета). 1918. 9 июня; Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 64.

<sup>2</sup> Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 539.

<sup>3</sup> См.: Дабкина Е. Зимний перевал. М., 1988. С. 186—188.

где он был помещен во французскую больницу Марии Магдалины на 14-й линии Васильевского острова. Плеханову выделили отдельную палату, и его могли навещать друзья и знакомые. Среди них были Дейч, Засулич, сестры Любовь и Ида Аксельрод, Потресов, восторженный почитатель Плеханова студент Горного института Александр Касък с женой и др. По воспоминаниям Потресова, вид «догорающего» вместе с Россией, изможденного болезнью Плеханова поразил его в самое сердце. «Кто знает, встретимся ли мы еще. Мы ведь все под большевиками ходим...», — грустно сказал ему на прощанье Георгий Валентинович.

Несмотря на плохое самочувствие, Плеханов даже в больнице пытался что-то писать для «Единства» (в декабре оно стало выходить под названием «Наше единство», поскольку большевистская цензура сразу же зачислила плехановский орган по ведомству врагов советской власти). Так родились интереснейшие воспоминания Плеханова о похоронах Некрасова, где он произнес одну из самых ярких своих агитационных речей. А на Новый год в больницу пришли профессора и студенты Горного института. И снова Плеханова обступили воспоминания о безвозвратно ушедшей молодости, неповторимой студенческой поре, первых шагах в революционном движении, принесшем через сорок лет столь неожиданные для Георгия Валентиновича плоды...

5 января 1918 г. в Петрограде открылось долгожданное Учредительное собрание. Открылось только для того, чтобы уже на следующий день быть разогранным большевиками, получившими в нем менее четверти мандатов. Кстати говоря, кандидатура Плеханова в депутаты Учредительного собрания тоже баллотировалась по списку группы «Единство» в нескольких губерниях России, но попытка реанимировать его авторитет оказалась безуспешной. В Петрограде, например, за список «Единства» проголосовало всего 1823 избирателя.

В день открытия Учредительного собрания в Петрограде состоялась массовая демонстрация в его поддержку. Однако ее рассеяли силой, причем не обошлось без жертв, среди которых были и рабочие. Хоронили их по иронии судьбы 9 января 1918 г. — через 13 лет после ставшего трагически знаменитым «Кровавого воскресенья», с которого фактически началась в 1905 г. первая в истории России революция. На совпадение этих двух исторических дат обратил внимание в «Новой жизни» Максим Горький, резко осудивший расправу новой власти с собственным народом<sup>1</sup>.

Не мог не откликнуться на роспуск Учредительного собрания и Плеханов, которому с разных сторон настойчиво напоминали о том, что на II съезде РСДРП он тоже говорил о возможности роспуска

<sup>1</sup> См.: Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917—1918 гг.). М., 1990. С. 110.

любого представительного учреждения, если его решения разойдутся с интересами революции. Не упустил случая напомнить об этом эпизоде из биографии Плеханова и Ленин, опубликовавший 4 января 1918 г. в «Известиях» небольшую заметку «Плеханов о терроре», где прозрачно намекнул, что большевики, вероятно, воспользуются его советом, когда будут решать вопрос о судьбе Учредительного собрания. Видимо, задел Георгия Валентиновича и фельетон журналиста Бориса Мирского в газете «Вечерний час», где тоже ставился вопрос об ответственности Плеханова за своих «духовных детей» — большевиков, которые на практике реализовали его идею об «относительной ценности» демократии и ее институтов. Наконец, стали поступать недоуменные вопросы по этому поводу и от читателей «Нашего единства». В сложившейся ситуации Плеханов продиктовал в больнице оказавшуюся последней в его жизни статью с несколько странным для современного читателя заглавием «Буки Азь — Ба», которая была опубликована в «Нашем единстве» 11 и 13 января 1918 г.

Подобно старому учителю, раскрывающему детям тайны рождение слов из отдельных букв и слогов, Плеханов напоминает здесь читателям один из важнейших принципов диалектики, гласящий: абстрактной истины нет, она всегда конкретна, причем все зависит от условий места и времени. По его мнению, церковный догматизм, который всегда был силен на Руси, нашел своеобразное продолжение в догматизме революционном, в частности большевистском. Между тем главной отличительной особенностью революционной тактики должна быть ее целесообразность, а не догматическая окостенелость.

Возвращаясь к своей речи на II съезде РСДРП, Плеханов пояснил, что теоретически мыслимый случай роспуска Учредительного собрания вовсе не всегда должен превращаться из возможности в действительность. Если французское Учредительное собрание 1848—1849 гг. было враждебно интересам пролетариата и его роспуск революционерами был бы, по мнению Георгия Валентиновича, вполне разумным и нравственно оправданным шагом, то российское Учредительное собрание 1918 г. «обеими ногами стояло на почве интересов трудящегося населения России». Поэтому, разгоняя его, народные комиссары из Смольного боролись не с врагами рабочих, а с врагами своей собственной диктатуры. Увидев, что большинство членов Учредительного собрания составляют эсеры, большевики решили как можно скорее покончить с ним, сделав тем самым новый шаг к губительному междоусобию внутри народа — гражданской войне.

За Смольным, подчеркивал Плеханов, большинства в стране нет. «Их диктатура представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно потому им приходится все более и более учащать употребление террористических средств. Употребление этих средств есть при-

знак шаткости положения, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае ни социализм вообще, ни марксизм в частности тут совершенно ни при чем. Тактика Смольного есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто тактика Нечаева».

Когда-то Нечаев распространял среди русской учащейся молодежи и студентов слухи о том, что в Западной Европе 2 млн. интернационалистов готовы восстать и поддержать социальную революцию в России. Все это оказалось, как известно, блефом. Нечто подобное, писал Плеханов, происходит и теперь, когда в рабочей среде усиленно распространяется весть о близости мировой пролетарской революции, причем верят в нее не только большевики, но и меньшевики-интернационалисты. По мнению Плеханова, это был глубокий самообман.

Завершая статью, Плеханов снимал с себя ответственность за действия большевиков. Когда-то, вспоминал он, лидер австрийских социал-демократов Виктор Адлер полушутя, полусерьезно заметил Плеханову: «Ленин — ваш сын». В ответ он тоже получил шутку: «Если сын, то, очевидно, незаконный». «Я до сих пор думаю, — писал Плеханов, — что тактика большевиков представляет собою совершенно незаконный вывод из тех тактических положений, которые проповедовал я, опираясь на теорию Маркса — Энгельса».

Н. К. Михайловский как-то заметил, что нельзя делать Дарвина ответственным за поступки каждого «дарвиненка», который, вспомнив о дарвиновской теории борьбы за существование, высказывал на улице и хватал за шиворот первого встречного прохожего. Точно так же, продолжал эту параллель Плеханов, «нельзя и меня, как теоретика русского марксизма, делать ответственным за всякое нелепое или преступное действие всякого русского «марксенка» или всякой группы «марксят». Откровенно говоря, я думаю, что мы будем гораздо ближе к истине, признав нынешних наших большевиков не моими детьми, а двоюродными братьями гражданина Чернова. Недаром же его орган жаловался несколько недель тому назад на то, что большевики сделали важное похищение из сокровищницы черновской премудрости (преимущественно по аграрной части)».

Однако эта запоздалая шпилька по адресу большевиков и ленинского декрета о земле уже ничего не могла изменить ни в судьбе Учредительного собрания, ни в судьбе России.

Вслед за роспуском Учредительного собрания в Петрограде произошло еще одно трагическое событие. В ночь на 7 января 1918 г. в Мариинскую тюремную больницу ворвалась группа анархистствующих матросов и учинила самосуд над находившимися там бывшими членами Временного правительства кадетами А. И. Шингаревым и Ф. Ф. Кокошкиным. Оба они были убиты.

Оберегая покой мужа, Р. М. Плеханова скрыла от него это известие, однако месяца через два Георгий Валентинович все же узнал о случившемся из газет и горько упрекнул жену: «Ты, Роза, кажется,

думаешь, что болезнь сделала меня малодушным. Ты ошибаешься, я еще тверд духом. Утаив от меня убийство Шингарева и Кокошкина, ты помешала мне исполнить долг по отношению к революции и партии кадетов. Я тогда в состоянии был отозваться на этот ужас. Теперь же я слаб и писать не могу»<sup>1</sup>.

Сама Розалия Марковна, хорошо помнившая об обыске в Царском Селе, увидела в убийстве кадетских министров некое предостережение и решила ускорить отъезд из Петрограда. Выбор пал на местечко Питкеярви около Териок на территории Финляндии, примерно в часе езды от столицы. 28 января на двух санях (автомобиль получить не удалось) Плехановы выехали из больницы на Финляндский вокзал. Петроград провожал их оттепелью, мокрым снегом, жидкой грязью на трясках мостовых, площадной руганью извозчиков. Георгий Валентинович был в теплой меховой шубе с большим воротником (ее одолжил один из профессоров Горного института) и высоких валенках. Чувствовал он себя скверно. Да и на душе было тяжело. Больше Петрограда Плеханов уже не видел никогда.

В санатории Питкеярви<sup>2</sup>, предназначенном для легочных больных, Плеханов и его жена получили две уютные, хотя и холодные комнаты с окнами на юг. Однако вскоре Розалия Марковна поняла, что климат Финляндии вреден мужу, спасти которого могли бы только лечение на юге Франции или в Италии и полная изоляция от всего, что происходило тогда в России. Но такое путешествие было уже не по силам больному Плеханову, да он и не хотел уезжать далеко от родины. Еще летом Георгий Валентинович говорил жене: «Я не покину Россию теперь, в самый критический момент ее жизни. Хотя я слаб, прикован к постели, но у меня еще имеется перо в руках, я могу еще бороться, мой голос нужен, я Россию не покину. Я не могу жить спокойно, зная, какие творятся здесь ужасы. Что будет, то будет»<sup>3</sup>. Позже, в январе 1918 г. Плеханов согласился на переезд в Финляндию только потому, что она была совсем рядом с Петроградом и оттуда при первой необходимости можно было быстро вернуться в столицу.

По приезде в санаторий Плеханов сказал, что готов выполнять все предписания врачей (хотя и не верит им), но при этом обязательно будет работать. Он начал вновь просматривать материалы для очередного тома «Истории русской общественной мысли», делал некоторые выписки, просил читать ему Лескова, Чехова, Мопассана, а также любимых греческих классиков — трагедии

<sup>1</sup> Диалог. 1991. № 11. С. 85.

<sup>2</sup> В настоящее время это местечко находится на территории Ленинградской области близ города Зеленогорска (бывш. Териоки). Здание санатория не сохранилось.

<sup>3</sup> Диалог. 1991. № 13. С. 100.

Эсхила, Софокла, Еврипида, сочинения историков Фукидида и Плутарха. Но вскоре начались сложности, связанные с обострением политической обстановки в Финляндии, где шла гражданская война, и с новым поворотом в советско-германских отношениях накануне заключения Брестского мира. Связь между Петроградом и Териоками часто прерывалась. Плеханов оказался фактически отрезанным от родины. Не хватало книг и газет, некому было рассказать свежие петроградские новости. Питкеярви превратился в некий «мертвый дом» с гнетущей тишиной, опостылевшим Плеханову большим режимом и чисто формальными медицинскими процедурами, которые могли лишь чисто формально отдалить неизбежный конец.

Кроме уже упоминавшихся молодых супругов Касьяк, в феврале — апреле 1918 г. в Питкеярви трижды гостил Лев Дейч, причем в последний раз он задержался у своих старых друзей на целых три недели. Дейч и Плеханов знали друг друга уже около сорока лет, хотя у них бывали и длительные разлуки (во время 16-летней сибирской ссылки Дейча в 1885—1901 гг. и его шестилетнего пребывания в Америке в 1911—1916 гг.), и расхождения по идейным мотивам после Первой российской революции, когда дала также трещину дружба Плеханова с Аксельродом и Засулич. Достаточно сказать, что в недавно опубликованных записных книжках Дейча есть следующая запись от 10 сентября 1910 г., касающаяся Плеханова: «Это такой вздорный, нелепый в практическом отношении человек, с которым не знаешь, как, на какой манер поладить, но силен как теоретик. Тут он незаменим никем»<sup>1</sup>. Снова свела Плеханова с Дейчем лишь Первая мировая война, когда оба они выступили как социалисты-патриоты, а в 1917—1918 гг. работали вместе в петроградской группе «Единство». Поэтому каждый приезд Дейча в Питкеярви превращался для Георгия Валентиновича и Розалии Марковны в настоящий праздник.

Дейч появлялся энергичный, шумный, говорливый, нагруженный разными гостинцами, письмами, газетами, и сразу же начинались бесконечные беседы и воспоминания. Плеханов, который собирался после окончания работы над «Историей русской общественной мысли» засесть за мемуары, с удовольствием вспоминал свою юность, затем разговор переходил на положение дел в советской России и на Западном фронте. Дейч наверняка рассказывал Плеханову о расстрелянной по приказу большевиков демонстрации в день открытия Учредительного собрания 5 января 1918 г. (он был ее участником), о своих антибольшевистских выступлениях перед петроградскими рабочими, реакция которых была, однако, довольно вялой и неопределенной, а также о настроениях столичной интеллигенции. Парадоксальность ситуации была налицо: советская власть в ряде отношений была не лучше, а даже хуже царского режима. В

<sup>1</sup> Вопросы истории. 1996. № 3. С. 6.

связи с этим неизбежно возникал и вопрос о том, не рано ли начали в свое время члены группы «Освобождение труда» пропаганду марксистских идей в России (теперь к этому добавляют и другой вопрос: а нужно ли было вообще переносить эти идеи на чуждую им российскую почву?). Вопрос непростой, мучительный, способный довести до отчаяния и душевной болезни... Известно, например, что В. И. Засулич буквально «сломалась» в 1917 г., а, умирая в 1919 г., как говорили, проклинала все свое революционное прошлое<sup>1</sup>. Ничего подобного о Плеханове мы не знаем. Бесспорно, ситуация в советской России весной 1918 г. не внушала ему особого оптимизма, но тем не менее он говорил: «... Не надо унывать. Начнем сначала, с А, Б, В...»<sup>2</sup> К тому же Плеханов никогда не отождествлял ленинизм и большевизм с марксизмом, преданность которому он сохранил до последнего вздоха, хотя и искал (как и Энгельс в последние годы жизни) более широких подходов к явлениям общественной жизни, стремясь избежать кровопролития, анархии и гражданской войны.

Содержание многочасовых разговоров Плеханова с Дейчем на самые разные темы дошло до нас лишь частично в передаче Р. М. Плехановой и самого Дейча, которые как бы дополняют друг друга. Розалии Марковне, например, запомнились высказывания мужа об источниках силы большевиков, которую Плеханов не склонен был недооценивать. «Их сила опирается на отсталость наших экономических отношений и бессознательность пролетариата, — говорил он. — Они держатся на народной глупости, а глупость — это база солидная. Она была базой царизма, а теперь — большевистской тирании». Отдельные частные декреты советской власти, например о национализации монастырских имуществ, Плеханов даже одобрял, но с горечью добавлял при этом: «... Как наши власти неумело и варварски берутся и за это относительно нетрудное дело»<sup>3</sup>.

Очень важна для историка дневниковая запись Дейча от 6 февраля 1918 г.: «Отправился к больному Г. В. [Плеханову] в Питкеярви. Много чрезвычайно интересного он мне высказал. О русском народе, что он очень даровит, но с грустью констатировал, что из-под палки только храбр. Поражал всех этой чертой, а теперь Бог знает чем стал. Об интеллигенции, что не успела пустить глубоких корней, что запрещение семинаристам поступать в высшие учебные заведения принесло громадный вред делу сближения интеллигенции с народом, т. к. семинарист больше, чем другие, знает народ, работая с ним рядом. Выражал возмущение по поводу устраиваемых панихид по умершим, заявил, что, умирая, запрещает что-либо

<sup>1</sup> См.: Мартов Ю. О. Письма. 1916 — 1922. Бенсон, 1990. С. 43.

<sup>2</sup> Диалог. 1991. № 15. С. 101.

<sup>3</sup> Там же. № 12. С. 81 — 82.

подобное относительно себя. Говорил о необходимости отличать белое людское духовенство от черного, с которым необходимо бороться, что уже Петр делал... Русский народ удержал со времен татарской войны свойство сжигать свои города, т. к. победа угрожала угоном и истреблением. Этим же Георгий Валентинович объясняет сожжение Москвы (в 1812 г. — С. Т.). Патриотический подъем при крепостном строе, любовь к царю и полное равнодушие к родине при свободе».

Перейдя затем к оценкам отдельных социал-демократических деятелей, Плеханов сказал о Ленине: «Я думал, что он умнее, чем оказался». Мартов, по его мнению, — куда талантливее и глубже Троцкого, первая статья которого заставила было Плеханова подумать, что это новый Добролюбов, но который затем «ничего путного не написал», показав себя «пустым, невежественным болтуном»<sup>1</sup>.

Весной 1918 г. одной из самых животрепещущих политических тем в России был Брестский сепаратный мирный договор между советской Россией и Германией. Плеханов воспринял его как трагедию и катастрофу. «Ленин всю Россию отдаст, лишь бы оставили ему маленький клочок земли, хотя бы Московский уезд для социалистического опыта. Ленина можно уподобить тем московским князьям, которые ползали на брюхе перед татарскими ханами, желая удержать за собой свои княжества. Ленин, тоже цепляясь за власть, ползает на брюхе перед Вильгельмом», — говорил он в те дни<sup>2</sup>. Распад и гибель великой державы, превращение ее в германскую колонию, национальный позор и унижение — такой виделась Плеханову судьба России после Бреста. Жизнь показала, что первый русский марксист ошибся тогда в своих прогнозах, но не будем забывать, что ситуация в стране весной 1918 г. действительно была аховой.

Как-то раз, когда жена ставила ему банки, Георгий Валентинович полушутя, полусерьезно сказал ей: «Ну зачем банки, не легкие у меня болят, это брест-литовский синдром, а против этой болезни ничего не сделаешь»<sup>3</sup>. Утром 18 марта у него началось горловое кровотечение, которое врачи не могли остановить несколько дней. По ночам Плеханова стало мучить удушье. Это было начало конца.

1 мая 1918 г. по просьбе Плеханова было составлено завещание. В нем говорилось: «Я, нижеподписавшийся, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю свою волю: право на издание всех моих вышедших до сих пор и могущих впредь явиться сочинений предоставляю жене моей Розалии Марковне, урожденной Боград, а также дочерям моим Лидии Георгиевне и Евгении Георгиевне. Этим же лицам предоставляю все движимое мое имущество: библиотеку,

<sup>1</sup> Вопросы истории. 1996. № 3. С. 15 — 16.

<sup>2</sup> Диалог. 1991. № 3. С. 99.

<sup>3</sup> Там же.

вещи и прочее, в чем и подписываюсь. Завещание это, ввиду моего болезненного состояния, написано по моей просьбе В. Ф. Шпергазе. Г. Плеханов». К основному тексту завещания был сделан постскриптум: «Кроме того, тем же вышеназванным лицам завещаю две тысячи франков в 4% облигациях г. Женевы, положенные мною в Женевское государственное казначейство (Caisse d'Etat). Конечно, деньги должны быть уплачены им с причитающимися на них процентами. Г. Плеханов»<sup>1</sup>.

Плеханов просил, чтобы на его надгробии были высечены строки из поэмы английского поэта-романтика первой четверти XIX в. Шелли, посвященной памяти его друга, безвременно ушедшего из жизни поэта Джона Китса: «Он слился с природой» («He is made one with Nature») <sup>2</sup>. В них выражено необычайно созвучное настроениям самого Георгия Валентиновича ощущение того поистине космического единства всего живого и неживого, человека и природы, перед которым отступает даже трагедия смерти отдельно взятой личности. К этой мысли Плеханов шел долгие годы. Однажды на берегу моря в Сан-Ремо он беседовал со своим спутником о смерти Энгельса и тот поинтересовался, почему Энгельс завещал сжечь свои останки, а пепел бросить в море. «Для того, чтобы поскорее раствориться в природе», — последовал короткий ответ Плеханова. Позже, в 1918 г., находясь в Финляндии и уже чувствуя приближение смерти, он говорил жене: «...Что такое смерть? Превращение материи. Видишь... эту березу, которая так нежно прижалась к сосне? Я тоже, может быть, превращусь когда-нибудь... в подобную березу. Что же здесь дурного?»<sup>3</sup>

Как и многие люди, предчувствующие скорый конец, Плеханов перебирал в памяти различные эпизоды своей жизни, вспоминал родных и близких, мысленно возвращался к детским годам. Как рассказывала потом Розалия Марковна, недели за две до смерти Георгий Валентинович просил ее обязательно побывать в родной Гудаловке и поклониться тем местам, где прошли его детство и отрочество<sup>4</sup>.

О последних неделях жизни Плеханова подробно рассказала в своих воспоминаниях Розалия Марковна<sup>5</sup>. Здоровье Георгия Валентиновича ухудшалось с каждым днем. Возобновились продолжительные приступы удушья по ночам, причем ситуация усугублялась отсутствием в санатории Питкеярви баллонов с кислородом. Год

<sup>1</sup> Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 529.

<sup>2</sup> Это желание Плеханова было исполнено.

<sup>3</sup> См.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М.-Л., 1926. С. 307—308.

<sup>4</sup> См.: Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 161.

<sup>5</sup> Воспоминания Р. М. Плехановой «Последние дни Г. В. Плеханова» были опубликованы в берлинском меньшевистском журнале «Заря» (1924. № 5—6. С. 135—139). В 1991 г. они были переизданы в журнале «Диалог» № 15.

назад по дороге в Россию Плехановы приобрели в Лондоне железный цилиндр со сжатым кислородом, но он остался в Петрограде у друзей, и доставить его в Финляндию, несмотря на все просьбы Розалии Марковны, так и не удалось. Могли бы помочь и препараты опиума, но их организм Георгия Валентиновича переносил очень плохо.

В дневное время Плеханов казался бодрым, просил читать ему книги и газеты, интересовался ходом военных действий на Западном фронте. Он был очень рад, узнав, что немцы вынуждены были приостановить наступление на Париж. «Франция должна жить, — повторял Георгий Валентинович, — гибель Франции — это гибель европейской культуры».

Бодрость Плеханова, которая была результатом его огромного самообладания и силы воли, вводила в заблуждение не только редких посетителей, но даже врача санатория Питкеярви. Однако Розалию Марковну часто пугало выражение какой-то особой сосредоточенности и задумчивости на лице мужа, лучше всяких слов говорившее о том, что мысли его в эти минуты были где-то далеко-далеко. Когда она спрашивала, о чем он задумался, Плеханов отвечал довольно уклончиво, но можно было понять, что Георгий Валентинович подводит итоги своей жизни, вспоминает измены друзей, неблагодарность учеников, жалеет о том, что его идеи не дошли до рабочих. «Мне казалось, — вспоминала Розалия Марковна, — что перед ним стоял вопрос: «Зачем? К чему? Зачем он страдал и мучился всю жизнь? К чему все привело?»

15 мая рано утром Плеханов проснулся в тоскливой тревоге со словами: «Я задыхаюсь, я умираю». Жена подбежала к нему, приподняла, сделала промывание горла. Георгий Валентинович вздохнул свободно, и лицо его приняло более спокойное выражение. Он хотел продиктовать прощальное письмо дочерям, но жена хорошо понимала, что это потребует от него слишком большого напряжения, и уговорила отложить диктовку. «Ты скажи, что я их очень любил», — прошептал Плеханов.

Розалия Марковна вспоминала, как после смерти Георгия Валентиновича ее упрекали в том, что она не привезла в Петроград политического завещания Плеханова. Его дочери тоже были огорчены тем, что не получили от отца прощального письма. «Но, признаюсь, у меня не хватало духа говорить с ним об этих его предсмертных обязанностях. Я старалась, чтобы он меньше чувствовал приближение смерти».

С середины мая дело быстро пошло к трагической развязке. Плеханов начал бредить, заговариваться, страдать галлюцинациями. Однажды он вдруг сказал: «А русских гонят с Украины». Розалия Марковна знала, что Георгий Валентинович горячо любил Украину, ее народ, природу и был убежден, что искусственный отрыв украинцев от русских будет губителен и для тех, и для других. Поэтому она, как могла, успокоила мужа, заверив его, что

ничего подобного не происходит (в действительности к началу мая 1918 г. почти вся Украина была оккупирована немцами, и к власти там пришел гетман Скоропадский).

Остался в памяти Розалии Марковны и еще один эпизод. Дней за шесть до смерти Георгий Валентинович вдруг заговорил в полузабытьи страстным шепотом. Глаза его горели гневом, и, сделав энергичный жест рукой, он сказал: «Пусть попробуют не признать моей деятельности, я им задам!»<sup>1</sup>

Полемизуя с теми, кто считал, что к концу жизни Плеханов якобы разочаровался в пролетариате, Розалия Марковна категорически отвергает эту версию и пишет: «Успех ленинского анархо-синдикализма он объяснял недостаточной сознательностью пролетариата, с одной стороны, и народными страданиями и неудовлетворенностью — с другой. Он рассматривал русскую революцию ленинского периода как эпилог 1861 года. Солдату-крестьянину сулили землю. Он все бросил и побежал в деревню. На деморализации солдата-крестьянина был основан большевистский переворот. Пролетарское движение в России было еще молодо и слабо, и сбить пролетариат с толку талантливым ученикам не Маркса, а Бакунина, какими явились Ленин и Троцкий и их приспешники, было нетрудно. Но Плеханов верил, что здоровые силы пролетариата возьмут верх и что в будущем он займет почетное место в рядах Интернационала»<sup>2</sup>.

Около 20 мая 1918 г. Плеханова осматривал профессор Гельсингфорского университета Талквист, который сказал, что больной проживет еще месяца два. Однако этому прогнозу не суждено было сбыться.

Как-то раз Плеханов сказал жене, что видит, как сидящие на постели три Парки (в римской мифологии — богини судьбы) с ножницами уже готовы перерезать нить его жизни. Тем не менее Плеханов еще находил в себе силы утешать плачущую Розалию Марковну, говоря ей: «Роза, как тебе не стыдно. Мы с тобой

<sup>1</sup> Диалог. 1991. № 15. С. 106.

<sup>2</sup> Существует и еще одна редакция записи Р.М.Плехановой этой мысли Георгия Валентиновича: «Революция, переживаемая нами, не есть революция в европейском смысле этого слова, а кровавый эпилог реформы 1861 года. Солдат — это крестьянин, который пошел в революцию только для того, чтобы получить помещичью землю, а до остальных завоеваний революции ему дела нет. Он истребляет и идет на буржуев, т.к., по его понятиям, это те же помещики. Ленин, Троцкий и другие, 20 лет шедшие с марксистами, в сущности сделались народниками после Февральской революции. Они действуют по программе Л.Тихомирова и следуют совету Бакунина, который находил, что революционеры должны опереться не на организованных рабочих, зараженных государственностью, а на малосознательные массы, крестьянские элементы и т.д.»

старые революционеры и должны быть тверды вот так!» (при этом он сжал в кулак свою слабую, дрожащую руку).

Наступило 30 мая 1918 г. Ночь прошла относительно спокойно. Уже в 6 часов утра Георгий Валентинович проснулся, выпил стакан теплого чая с молоком и очень отчетливо сказал по-французски: «C'est délicieux!» («Восхитительно!»). Температура поднялась до 39°, но чувствовал он себя неплохо и был в полном сознании. Часа через два Розалия Марковна решила снова дать ему попить. Но после первой же ложечки чая ему стало плохо, он застонал, начались конвульсии лица и левой руки, дыхание остановилось. Розалия Марковна в отчаянии стала звать на помощь, стучать в стену. Плеханову пробовали делать искусственное дыхание, но все было уже бесполезно: он вздохнул еще раза два, лицо его покрылось смертельной бледностью, и когда минуты через три пришел доктор, сердце Георгия Валентиновича уже не билось.

А потом несколько дней тело Плеханова лежало в погребке со льдом, дожидаясь отправки в Петроград. И было в выражении его лица что-то суровое и даже чуть-чуть грозное. Высокий лоб мыслителя, густые, по-молодому черные брови... Непризнанный, непримирный, не сломленный...